

А. Чеканов

ТАК БЫЛО...

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ





ТАК БЫЛО - 1

Всё, о чём я буду писать, происходило со мной, либо я видел это своими глазами. Даты, в которых я твердо уверен, приведены в тексте. Те, которые я помню приблизительно, обозначены названием месяца. Названия городов и населенных пунктов соответствуют современному административному делению. Отдельные высказывания в адрес популярных личностей или оценки некоторых событий являются моим собственным мнением. Ссылки на литературные источники приведены с целью уточнения подробностей происходивших событий, имена людей с которыми я встречался и описания местностей, где мне приходилось активно действовать.

Я не мог воспроизвести, в своей памяти, через 50 лет, все подробности того, что я видел своими глазами и собираюсь описать в книге, под названием ТАК БЫЛО.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

Для меня, Чеканова Анатолия Николаевича, Великая Отечественная война (ВОВ), началась 14 июня 1941 года, когда под прикрытием танков 28-й танковой дивизии происходило разоружение и депортация в Сибирь военнослужащих латышских военных подразделений. Вспоминая первые дни ВОВ и бесчинства айзсаргов, думаю, что это был совершенно необходимый шаг нашего правительства, предотвративший многие возможные жертвы, как среди наших военнослужащих, так и, в особенности, среди мирного населения Латвии, работавшего в государственных учреждениях.

В это время, я проходил военную службу в 55-м танковом полку 28-й танковой дивизии, которой командовал И.Д.Черняховский. Наша дивизия была преобразована из 27-й лтб (Легко-танковой бригады), в которой я начал службу в Красной Армии в сентябре 1939 г. после призыва из КрМММИ им. Н.Э. Баумана. Мы проучились всего несколько недель, однако в графе анкеты "Образование" я иногда "для шухера" писал "Незаконченное высшее". Иногда действовало!

Это был так называемый "Ворошиловский набор", предназначенный для освоения моторизованной техники, которой начала оснащаться армия. Шли в неё без страха за свое будущее. Красной Армией гордились! Дедовщины тогда не было. В ту пору армией командовал Клим Ворошилов. Порядки в ней были весьма либеральные. Мне посчастливилось сразу их познать, попав в Красную Армию в самые лучшие годы её существования. Именно К.Ворошилову принадлежит выражение: "Армия — это своеобразный коммунистический

университет, закончить который должен каждый сознательный гражданин...”,

Призыв осуществлялся военкоматами по месту жительства, и я попал в эшелон призывников, набранных в городе моего детства - Калуге. Там все всех знали, и я всех знал. Когда выяснилось, что наш эшелон прибыл в Тулу, я начал беспокоиться, так как это было направление на Дальний Восток. В Туле нас пересадили в теплушки. Свои пассажирские вагоны, призывники по пьянке вдребезги разбили. Кто-то разнес слух, что мы уже не подчиняемся гражданским законам, поскольку мы как бы уже военные. Но и военным законам мы ещё не подсудны пока не приняли присягу. Значит можно крушить и ломать всё, Наиболее эффективным считалось разбивать плафоны головой.

Эшелон действительно направлялся на восток. Я знал о трудностях и лишениях военной службы на востоке. Мне удалось уговорить пьяную орду из знакомых мне призывников сбежать из этого эшелона. Решено было пересест в любой встречный эшелон, который двигался бы на запад. Вскоре встреча с таким эшеленом состоялась. Сопровождавшие нас офицеры были мертвецки пьяны. Нам, группе из 10-12 ребят, удалось всего за трёхлитровую банку тройного одеколона пересест во встречный эшелон, едущий из Тамбова на запад. Эту банку мы с ними немедленно распили за будущую дружбу и закусили капустными листьями.

Когда мы без всяких документов прибыли в г.Борисов, то там не знали что с нами делать. Мы не были дезертирами, ведь сами явились военную часть. Всё само собой обошлось, как и большинство ситуаций в армии. Это была первая мудрость, которую я усвоил для будущей службы в 27 лтб.

Моя армейская служба в учебном батальоне легко-танковой бригады началась с карантина. Нас одели в военную форму и стали обучать основным правилам поведения в армии. Первое что я понял из этих наставлений - из помещения карантина выходить нельзя. Естественно мне очень захотелось немедленно узнать, что и как там снаружи. Я первым откликнулся на предложение сходить "по воду". В соответствии с действующим в то время "Уставом внутренней службы" в карантине не отдавали приказы, а "просили", поскольку присягу мы ещё не принимали.

Нам двоим выдали бачок литров на сорок и направили на кухню за кипяченой водой. Сперва вдоволь наглядевшись окружением, мы наконец, подошли к кранам. Я предложил не наливать все сорок литров, а налить только половину бачка. Очевидные преимущества из этого следовали - нести легче, быстрее выпьют, и возможно, что именно нас пошлют ещё раз, тем более мы уже знаем дорогу. Неожиданно нас остановил встретившийся командир, не поленившийся поднять крышку бачка. Естественно, что он возмутился и, не обращая внимания на то, что мы ещё на карантине, приказал вернуться на кухню и налить там полный бачок. Вернувшись, налив и почувствовав тяжесть полного бачка, мы стали думать, что делать? Мне пришла мысль - на ходу открыть краник, пусть выливается, что я и сделал. Но мы не предугадали хитрости и коварства неизвестного нам командира. Ещё мало были в армии!

Оказалось, он шёл за нами, как собака по следу, который оставляла на асфальте, струйка воды, льющаяся из бачка. Его возмущению не было предела. Главная наша вина была в том, что мы несли "продукт питания" - вода была кипячёная. Я был тогда ещё глуп и осмелился говорить с ним. Это позволило ему назначить меня зачинщиком безобразия и дать мне трое суток ареста на гауптвахте. Он ещё посетовал, что "Устав" и его звание не позволяют дать мне большее наказание. Мой напарник получил три наряда вне очереди. Мы должны были вернуться на кухню, долить бачок и доложить о случившемся дежурному по карантину.

В этот раз дежурил медфельдшер. Он видимо слабо знал “Устав”. Выполняя приказ, он немедленно снял с меня пояс, а дневальному приказал взять мой матрас и постельное бельё и нести все это за мной на “губу”. Конечно я воспринимал все это как неожиданное новое развлечение. Будто я в преферансе взял прикуп - трюфелевого туза и червонного валета, что предвещало “неожиданную радость в казённом доме”. В казённом доме (в карантине) я уже находился. Оставалось дожидаться неожиданной радости. И она пришла...

Первое близкое знакомство с “губой” превзошло все мои ожидания. Я встретил сочувствие во взглядах всех встречных и их добродушные реплики. Но самое главное было в том, что мне прислали с кухни усиленный танковый паёк, который давали только боевым экипажам. Спать было тепло и удобно. Однако блаженство моё продолжалось недолго. Начальство разобралось в том, что я ещё не принимал присягу, и мне нельзя доверять оружие и сажать на гауптвахту. Для меня это значило - надо остерегаться политработников (встретившийся нам командир был политруком). Я стал держать в уме: “Нечего бояться губы!”.

После курса молодого бойца и овладения боевым оружием - карабин и наган - личное боевое оружие танкиста (стрелять через револьверные отверстия в БТ-7 можно было только из нагана), нас распределили по ролям в экипажах. Меня определили в группу механиков-водителей танка, поскольку я ещё в средней школе обучился вождению трактора и мотоцикла. Остальных назначили командирами орудий - заряжающими пушку в танке для командира, который разыскивает цель через командирскую панораму, наводит пушку или пулемёт через оптический прицел и стреляет,

Все члены экипажа проходили одинаковый курс обучения, но в своих группах. В первую очередь обучали вождению танка, стрельбе из пушки и пулемёта в соответствии с программой АБТКОП (авто-бронетанковый курс огневой подготовки). Отдельно обучали владению рацией. Экипаж должен быть полностью взаимозаменяемым, иначе он небоеспособен. Поэтому по нормам мирного времени танкистов готовили за девять месяцев. Всех членов экипажа танка одинаково.

Предметами обучения механика-водителя были:

- материальная часть танка БТ-7 и БТ-7А;
- шестнадцатилиндровый У-образный бензиновый двигатель “Либерти”, модернизированный в виде М17Т, снимаемого с самолета и подгоняемого для танка, мощностью более 500 лс;
- вождение в условиях танкодрома и через препятствия - эскарпы, контрэскарпы и поворот на косогоре;
- бортовая радиоаппаратура типа 70-Т, правила проведения радиообмена и ненавистная всем нам азбука Морзе;
- тактика ведения танковой войны на уровне роты;
- стрельбе из 45 мм пуши и пулеметов типа ДТ, в объеме АБТКОП, (авто бронетанкового курса огневой подготовки) с использованием телескопического прицела ТОП и перископа ПТ. А кроме этого мы еще изучали множество других весьма полезных в практической жизни предметов.

Свидетельствую, что теоретический и технический уровни знаний, которые мы в то время получали, практически соответствовали уровню и качеству той подготовки, которую я позже получил в МВГТУ имени Н.Э. Баумана, обучаясь на факультете «Т» (танковом) с 1945-51 г.г. и в Бронетанковой академии имени И. Сталина.

Мы занимались теорией и практиковались непосредственно на танках, если не были в нарядах или в карауле, по 12 часов в день. Шесть часов теории, а другие шесть — на матчасти. Соответственно менялись и командиры - лекторы и

инструкторы. Обучение вождению после тренировки на тренажерах проводилось на танкодроме или на типовых препятствиях. Стрельба из личного оружия или из карабина проводилась на стрельбище. Боевая стрельба по АБТКОП из танковой пушки, проходила на полигоне. Больше всего она была похожа на пикник, поскольку сопровождалась выездом полевой кухни и длительными ожиданиями очереди на выстрел, лёжа на травке.

Я привёл здесь небольшое перечисление основных моментов боевой подготовки в танковых войсках, чтобы сказать в заключение: *Нас не учили воевать и убивать!* Это моё утверждение подтверждается фактом нашего поражения в войне с крохотной Финляндией [1,2]. В 27-й лтб вернулись танкисты - участники этой военной кампании. Наши войска так и не преодолели линию Маннергейма. Те безмерно раздутые военными историками победы наших войск на озере Хасан и на Халхин-Голе [3], не принесли требуемого массового боевого опыта. Был только опыт участия в военных парадах, когда перед парадами из танковых пушек и пулеметов вынимали затворы.... *Это была парадная показуха.*

А сама военная служба в учебном батальоне 27-й лтб была трудной, но очень интересной. Мне даже была дана возможность заниматься спортивной гимнастикой, так как я имел второй спортивный разряд, полученный ещё в Калуге. При первой же возможности я продемонстрировал на турнике и брусьях своё умение. Конечно это не освобождало от военной подготовки, но меня освободили от нарядов в караул и на кухню. Это был именно тот *“открытый краник”*, о котором я мечтал с первых дней пребывания в армии.

Особенно меня интересовала техника - наш танк БТ-7 и его возможности, в более углубленном изучении которых мне особенно помог помпотех полка Клавдий Львович Ревзон. Его доходчивые объяснения и влюбленность в танковую технику заразили меня и даже повлияли на выбор моей будущей специальности в МВТУ им. Н.Э. Баумана. Под его руководством я даже пытался изобрести счетчик машинного времени для танкового двигателя. Этого весьма нужного прибора в танке БТ-7 не было. Машинное время пересчитывалось по пробегу ходовой части, т.е. движителя, холостые обороты при этом не учитывались, Это совершенно искажало сведения об износе двигателя при его прогреве, например, во время морозов.

Исходной конструкцией всех танков серии БТ-7 (быстроходные танки) был танк Джона Уолтера Кристи [3], который был куплен в Америке еще в 1929 г. Он был усовершенствован на ХТЗ (Харьковский тракторный завод), как колесно-гусеничная боевая машина. Их вооружали 45-мм пушками, На БТ-7А даже ставили 76,2-мм короткоствольную пушку. При весе 14 тонн и мощности двигателя типа “Либерти” 400 лс, танк обладал высокой энерговооруженностью - примерно 50 лс на 1 тонну веса. Такого показателя энерговооруженности нет даже у современных танков. Используя эту мощность, БТ-7 развивал скорость на гусеницах 60 км/час и на колёсах до 70 км/час при запасе хода 150 км на гусеницах и 200 км на колесах.

Переход с гусениц — штатного состояния танка — на колёса, представлял очень тяжёлую работу. Её полагалось выполнять экипажу (3 чел) без посторонней помощи за 30 минут. Последовательность операций была такой. Сначала ослаблялся ленивец - передний каток, натягивающий гусеницу. Из гусеницы выбивались четыре пальца, после чего она разъединялась на три независимых куска. Эти куски укладывались на крыло танка. Включалась “гитара” - привод от трансмиссии на ведущий задний каток. Одновременно аналогичные операции выполнялись и с другой гусеницей. Устанавливалось

рулевое управление передними катками. Наконец все части гусениц укладывались на крылья и закреплялись ремнями. Переход с колёс на гусеницы производился в обратном порядке и был более трудоёмкой комбинацией операций. Установка отдельных частей гусеницы на катки, их соединение и натяжка гусеницы — значительно труднее.

Есть существенная разница между условиями вождения танка на гусеничном и на колёсном ходу. При вождении на гусеницах управление производится рычагами. Максимальное усилие на рычаге танка БТ-7 — 60 кг при экстренной остановке танка при помощи рычагов (если отказала коробка перемены передач). При этом водитель брал на себя до 120 кг. Недаром генерал Г.Гудериан в своей книге “Внимание танки” [4] писал: “После длительного марша все работы по обслуживанию танка должны выполнять остальные члены экипажа независимо от их званий, а *механик-водитель должен отдыхать!*”.

Вождение БТ на колесах доставляет огромное, не сравнимое с вождением любой легковой автомашины, наслаждение. При этом возникает ощущение управления массой танка умноженной на его скорость. Кажется, что его масса снесет все, что может возникнуть на её пути. Однако, после возникновения затруднений при разворотах БТ на узкой дороге, при возвращении возникают мысли о тяжелой работе при постановке танка на гусеницы.

Конструкция танка БТ7 полностью соответствовала стратегической концепции наших партийных руководителей - воевать мы будем на вражеской территории. Там отличные дороги, там можно скинуть гусеницы и мчаться по Европе во всех стратегических направлениях. Но для оборонительной войны или даже для позиционной, для штурма линии Маннергейма нужны были средние и тяжёлые танки.

Мне вспоминаются наши занятия по топографии, когда нас обучали ориентированию на местности. Группу курсантов, сидящих в закрытой бортовой машине, вывозили на незнакомую им местность, которую надо было опознать по окружающим строениям, линиям связи и электроснабжения, по направлению дорог и прочим ориентирам. Полученные сведения сопоставлялись со странами света. Курсанты должны были найти их на топографической карте соответствующего масштаба. Такая задача ставилась несколько раз в процессе одного занятия. А потом обычно был отдых в лесу на молодой зелёной травке, завернувшись в свои шинели. Был конец апреля 1940 года. Было солнечно и тепло.

Хороша старая, добротная и легкая солдатская шинель! Такие шинели шили из высококачественного солдатского сукна. Шили с большим запасом материала, который заложен в её складках. Все преимущества такого покроя шинели открываются, если расстегнуть её хлястик. После этого шинель превращается практически в два одеяла за счёт сукна, заложенного в её складки.

Можно на одно лечь, а другим накрыться. Что я и сделал при первой возможности. Моей оплошностью было то, что я забыл спрятать хлястик в карман. На первом же построении это обнаружилось.

Приказ старшины был краток и лишен всякого смысла: “Найти и доложить!”. Чтобы найти, надо было переместиться на место нашего последнего отдыха. А оно, это место, было в 20-25 км от нашей части. Так поступить я не смог бы при всем желании. Я подумал, что если я украду у кого-либо хлястик, то обнаружу себя. Все знали, что я потерял хлястик. В течение нескольких ночей я воровал и сжигал в котельной по одному хлястику. Поскольку хозяйственные работы проходили ежедневно, то такие потери не вызывали подозрений. В конце

концов нашему старшине такие потери хлястиков надоели. В нашу казарму принесли швейную машину и пару старых шинелей, пошили множество хлястиков всем и в запас — старшине. Мне тоже сшили.

К маю 1940 года обучение в “учбате” было закончено. Нам, группе водителей, были присвоены звания старшего сержанта и квалификация механик-водитель. Троим, в том числе и мне, была дополнительно присвоена квалификация “Инструктор вождения боевых машин”. Начался новый ответственный этап функционирования 27-го лтб - подготовка к маршу в Прибалтику. Тогда эти государства называли Лимитрофами. Особенных боевых действий не предполагалось. Наши военные части уже были в Прибалтике, но только на правах гостей. Даже петь песни на улицах во время вечерней прогулки им не разрешалось.

Главной особенностью боевой подготовки было обучение взаимодействию с десантом. Ещё зимой по снегу пытались осуществить десант на лыжах, привязав верёвки к буксирующему танку и дав каждому из шести - семи десантников по верёвке в руки. Даже на сравнительно небольшой скорости 20-25 км/час лыжники падали и ломали лыжи. Был случай когда заодно сломали и ногу. Это идиотское мероприятие прекратили,

Подготовка к марш-броску в Прибалтику началась примерно с мая и стала заключаться в согласовании с десантом, который теперь предполагалось усадить на броню танков — по одному отделению пехотинцев с полным вооружением. Эта идея удалась, и наша 27-я лтб оказалась первой в истории танковых войск, осуществившая такой десант в условиях приближенных к боевым. Надо сказать, приближались к боевым условиям весьма близко.

Маршрут по Белоруссии до границы с Литвой был проложен вдали от крупных населённых пунктов, названия которых сейчас не могу вспомнить. Как всегда прохождение колонны танков обеспечивала рота управления, выставившая маяков-сигнальщиков на перекрёстках и перед сложными поворотами в условиях населённых пунктов.

В ночь с 6-го на 7-е июля 1940 года по боевой тревоге колонна танков 27 лтб начала совершать марш из г. Борисова в Латвию. Маршрут проходил через литовскую границу. Когда мы заняли исходные позиции перед пересечением границы, танкистов, собрали для беседы с Героем гражданской войны, одним из Генеральных инспекторов кавалерии Окой Городовиковым. Видимо для поднятия воинского духа. Ока Городовиков рассказывал старинные истории из эпохи гражданской войны, в основном, о кавалерийских атаках и “травил” бородатые солдатские анекдоты. Настроение, конечно, поднял, ведь действительно было страшно вато Большое ему за это спасибо!

Утром 9 июля наша танковая колонна перешла границу Литвы, двигаясь через Вильнюс и ряд маленьких городков. Не останавливаясь в них, мы вошли в Шауляй. Я помню его узкие улочки и переулки с крутыми поворотами, которые приходилось проходить даже задним ходом. Именно там я впервые обратил внимание на встречавшихся литовцев. Большинство были настроены дружелюбно, улыбались, заглядывали в открытый люк танка, что-то пытались спрашивать. Но были и такие, в основном люди пожилые, которые плакали и, как мне слышалось, что-то бормотали по-русски. Аналогичную картину мы наблюдали и в Риге, куда прибыли 9-го или 10-го июля на место своей временной дислокации. Это было какое-то певческое поле, где мы некоторое время жили в палатках. Хочу напомнить, что мы привезли с собой на танковой броне, в подарок латышам, *танковый десант с полным вооружением!*

Несколько танков (12+15) были поставлены в центре Риги на перекрестках бульвара Райниса с улицами Старого города и на других поперечных улицах.

Именно в период с 10-го по 14 июля там происходили главные драматические события в истории Латвии. Тем танкистам, которым в течение этих четырёх дней приходилось дежурить в танках, удалось наблюдать как накалялись события. В одно из своих дежурств я видел, как спокойная толпа из почти безразличных наблюдателей стала возбуждаться. В отдельных группах появились смутьяны (или агитаторы), возникли громкие споры и, наконец, появились красные флаги...

Выборы первого “ненастоящего”, а затем второго — уже настоящего Правительства Латвии и признание его Верховным Советом СССР произошли в течение следующих десяти дней. В политику я не влезал, но наблюдать за её коллизиями было очень интересно!

В конце июля произошло перемещение 27-й лтб на место постоянной дислокации, на улице Слокас. Там мы заняли казармы какой-то латышской танковой части. Из любопытства я даже залезал в один из оставленных латышами старых танков, который они ухитрились завести и увести куда-то.

В это время произошло переформирование 27-й лтб в 28-ю танковую дивизию под командованием тогда ещё подполковника Ивана Даниловича Черняховского. При его командовании весьма спокойная и даже беспечная жизнь танкистов во всех подразделениях круто изменилась.

Начались смотры, проверки, учебные и боевые тревоги, с “разносками”, приказами и т. д.... Перемещаться по территории части можно было только бегом или в строю. Если шли двое, то только бегом, если шли трое и больше, то один из них должен был командовать этим строем, который должен был переходить на строевой шаг, при появлении офицера любого ранга. В подразделения пришли новые командиры, Штаб обновился, В большинстве это были бывшие сослуживцы И.Д. Черняховского. Но до самых низов - до танкистов, эта перестройка ещё не дошла.

В этот период обстановка на границе стала обостряться. За Неманом накапливались немецкие войска. Возник образ врага — Германии и цель — Тильзит. Началась подготовка 28-й тд к броске на Неман. В первую очередь она заключалась в постановке и решении конкретных боевых задач. Они должны были разрешаться в обстановке максимально приближенной к боевым условиям. Одна из таких задач была поставлена нашему 55 танковому полку: произвести ремонт танка в боевых условиях, осуществив замену коробки перемены передач (КПП). Приказ дошёл до нашей танковой роты. Оставалось только выбрать из нашего взвода экипаж, который должен был выполнить эту замену. По жребию, который всегда доставался мне, я, конечно, вытащил короткую спичку. Наш экипаж должен был произвести ремонт эксплуатационного танка, на котором проводились учебные стрельбы и учебное вождение. По условиям боевой игры этот танк на буксире притащили в лес к толстому дереву с крепким суком. КПП весила около 400 кг. Сопровождающие нас ремонтники оставили нам новую КПП, таль, сухой паёк на три дня и “сделали нам ручкой”. Поскольку сухой паёк состоял только из концентратов — каши, воблы и сухарей, то командир нашего танка, отправился на попутной машине в ближайшую лавку, где накопил вкусностей, благо у нас уже была валюта - латы.

Мы выполнили эту труднейшую работу! Надо учесть, что работать в трансмиссионном отделении приходилось опускаясь к днищу танка вниз головой. Именно там находились главные болты, крепящие КПП. Пробыть в таком положении можно минут 8-10. После надо было дать отдохнуть глазам. За эту работу, которую мы выполнили в заданный срок - 3 дня, мы получили благодарность командования. Наш командир получил недельный, не считая дней в дороге, отпуск на родину в Тамбов.

По-прежнему танкисты продолжали пользоваться всеми радостями спокойной и сытой жизни в Риге. Латвия того времени была очень богатой страной благодаря хуторской системе ведения сельского хозяйства. Правда немедленно появились попытки введения колхозов. Этому нововведению латыши отчаянно сопротивлялись.

А в Латвии было всё. Латвия производила хлеба столько, что часть его перегоняла в спирт, на котором ездили в основном легковушки. В Риге их было в изобилии! Поэтому на улицах Риги и других городков всё время стоял приятный запах спирта. Работали шикарные магазины, как промтоварные, так и продуктовые, с товарами, которых на Родине не только не встречали, но даже и не слышали таких названий. Бедняком считался хозяин, имевший менее восьми коров. Действовало множество ресторанов и кафе. Продовольственные продукты были очень дешёвы и великолепного качества.

В основе нашего солдатского благополучия была валюта - латы, которые мы получали в зарплату. Я, как старший сержант и механик-водитель, получал 31 (тридцать один) лат. Хромовые сапоги на заказ стоили 20 лат, и я немедленно заказал их с первой получки. Нам, последнему году службы в армии (призыв сентября 1939 г), уже разрешали их носить. Естественно на такие благодатные условия жизни в Латвию, как “мухи на говно”, под разными предложениями стало стекаться из России множество народа, в том числе и алчного.

Особенно отличались этим жёны наших командиров, которые набираются главным образом из маникюрш, парикмахерш, официанток и прочих низкокачественных особ женского пола, которые стали появляться в общественных местах в комбинациях, приняв их за вечерние платья Их жадность, некультурное поведение в магазинах и на улицах (на улицах Риги не курили) создавали у латышей стойкую неприязнь к русским, закрепившуюся в генах всех последующих поколений коренного населения Прибалтики.

В настоящее время она превратилась в звериную ненависть. Я её неоднократно испытывал на себе, будучи в командировках на заводе ВЭФ в Риге. Это потребительское отношение к Латвии сохранилось и у военных, оставшихся жить после демобилизации в комфортных условиях и развитой инфраструктуры Латвии. Именно они и их потомки образовали русскоязычную прослойку (около трети населения Латвии) со своим жизненным укладом и языковым барьером, который не позволяет им ассимилироваться с коренным населением. В этом и заключается главная и неустранимая пока причина противоречий в латышском обществе.

Когда в наш рацион ввели “ итальянский день ”, в течение которого вместо горячей пищи мы должны были есть только сухари и воблу, мы покупали себе колбасу или ветчину. Всё это было ¹⁰доступно и обеспечивалось весьма развитой инфраструктурой. В “итальянские дни” нас приучали к трудностям походной жизни. Попастъ в столовую, куда мы приходили строем, можно было только перепрыгнув через “ козла ”, поставленного достаточно высоко. Кто не смог преодолеть козла с первого раза, тот прыгал снова и снова. Кто не смог перепрыгнуть с трех раз, тот должен был пролезть между узких его ножек под всеобщий смех. И только после этого взмог появиться в столовой.

В эти дни в столовой духовой оркестр дивизии исполнял для нас “Эстудиантину”, Иногда несколько раз подряд. Другой музыки я там не слышал.

Главнокомандующим Красной Армией стал тогда С. А.Тимошенко, и вскоре все это ощутили на себе. Первым почувствовал это конечно я. В числе главных приказов Тимошенко, ужесточавших дисциплину в армии, было введение строгого ареста на гауптвахте. Главной особенностью приказа было

пребывание в одиночной камере, где койка на день закрывалась на замок, и лежать было запрещено. Горячая пища была через день. В остальные дни — только вода и чёрствый хлеб. Строгая “губа” была одна на всю Ригу, и охрана там осуществлялась специальной военной частью, укомплектованной главным образом нацменами, ненавидевшими русскоязычных. Я описываю условия пребывания на ней потому, что побывал на такой “губе” и всё это испытал на своей шкуре.

Нам, танкистам последних месяцев службы, доставались лёгкие дежурства. В тот несчастливый день я был назначен дежурным по парку боевых машин. Я мог бы спокойно лежать на солнышке, но пришел друг и сказал, что предполагается очередной смотр матчасти. Он при работе на своем танке забыл убрать из трансмиссионного отделения грязные, пропитанные бензином тряпки. Я конечно не имел права допускать его в парк, но это был друг, да и риск был незначительный. Побывал бы он на своем танке и ушел бы, достав тряпки. Договорились, что он не будет снимать брезент с танка. Это для маскировки — мог кто-нибудь войти.

Произошло непоправимое. Когда он залез под брезент, снял жалюзи и опустил вниз головой в трансмиссионное отделение к КПИ, он ухитрился разбить переноску, которой он освещал трансмиссию.. От этого вспыхнули тряпки пропитанные бензином. Обгорел мой друг и обгорел брезент, Следов моего преступления скрыть было невозможно. Заместитель командира 55 тп майор Б.П. Попов назначил мне 8 (восемь) суток строгого ареста. Кажется, это был максимум его прав в соответствии с ¹¹ Уставом ". Меня быстренько отвезли на строгую “губу” в Риге. Там я немедленно почувствовал хамство охраны. Уже после четырёх суток пребывания на губе мне стало плохо, хотя перед пребыванием на губе, я был в хорошей спортивной форме. Я регулярно тренировался в спортивном зале и отлично питался.

Неожиданно мой арест кончился досрочно. За мной приехал на легковой машине начальника штаба полка, и меня повезли обратно в часть. Оказывается, пришло распоряжение из штаба ПрибОВО представить меня для участия в гимнастических соревнованиях округа. Конечно я потерял форму и выступил плохо. На моем коронном снаряде - брусках, даже сорвался, выполняя свой любимый элемент. Это были мои последние перед войной соревнования.

В это время произошло самоубийство моего самого близкого Друга по армейской службе — Юры Мягкова. Произошло это так: нас назначили помощниками дежурного по части, меня - по подразделению, а Юру - по парку боевых машин. Наши обязанности не были сложными. Я должен был следить за порядком в казарме, а мой друг отвечал за порядок в парке боевых машин и должен был менять в нём часовых. У моего друга была в Риге любовница, с которой он захотел попрощаться, поскольку обстановка становилась угрожающей. Он предупредил меня о своей отлучке, но обещал вернуться через час к смене часового. Смена должна производиться в 02.00 ночи. В последний раз я его видел в 00.10 той же ночи.

Увольнительной у него конечно не было. Однако на нём была надета противопогазная сумка, дающая право свободного выхода из части и молчаливо свидетельствующая о том, что солдат идёт по делу. В третьем часу ночи меня разбудил, а спал я в ленинской комнате, дневальный и сказал, что часовой у парка боевых машин очень волнуется из-за отсутствия смены. Взяв с собой смену караула, я побежал в парк. Но уговорить часового на посту оказалось непросто. После долгих уговоров он, наконец, согласился разрешить заменить себя. Вернувшись в казарму, я предупредил дневального, чтобы он немедленно разбудил меня, как только Юра вернётся. Едва я дошел до ленинской комнаты и

улёгся на диван, как услышал выстрел из нагана. Выбежав в очень длинный коридор, я увидел упавшего на пол дневального и Юру, пытающегося выстрелить себе в голову. Со второго раза он наконец-то попал в неё где-то около уха.

Как рассказал мне потом дневальный, которого Юра ранил в шею, дело было так. Вернувшись из отлучки, Юра не стал слушать уговоров дневального, а, надев на указательный палец стоящий на боевом взводе наган, стал крутить его перед носом дневального. Видимо у нагана был слабый спуск. Поэтому и произошёл выстрел ранивший дневального. Коридор был длинный, и я не успел добежать до дневального, чтобы вовремя предотвратить несчастье. Поскольку это самоубийство командование постаралось скрыть, то ни каких расследований не производилось, и "втыка" мне не было.

Подготовка к маршу на Неман началась с изучения маршрута на оперативных картах и показа на ящике с песком и макетами будущих возможных ситуаций. Вскоре мы стали изучать немецкий полевой "Устав", из которого я вычитал и запомнил изречение: "Ошибка в выборе образа действия является меньшим преступлением, нежели абсолютное бездействие". Ведь не плохо сказано! В конце концов появились сведения о расположении ДОТов в подвальных этажах от дельных домов Тильзита. После этих сведений мы ничего изучить не успели и стали активно готовиться к войне с Германией.

К маю 1941 года 28-я тд состояла из 55-го и 56-го танковых полков, насчитывавших всего более 200 танков БТ-7 и БТ-7А. В составе 28-й тд был 28-й автобронетанковый полк, имевший примерно 100 бронемашин БА-10 и БА-20. В дивизии с обслуживающими подразделениями перед войной насчитывалось около 11 тысяч солдат, младших командиров и офицеров [5].

Поскольку я в свое время занял одно из призовых мест в соревнованиях по спортивной гимнастике в ПриОВО, то мне полагался свободный выход в Ригу и постоянный пропуск для этого. Пропуск был необходим для удовлетворения бдительности патрулей. Используя этот пропуск, я стал еженедельно посещать спортивный зал на Vingrātāys iela - улице Гимнастов. Там моим тренером стал эстонец Сукки, с которым я даже подружился.

В спортивном зале я познакомился с говорящими по-русски латышками, от которых получал книги на русском языке. Эти книги издавали осевшие в Риге бывшие белогвардейцы. Книги эти не несли никакой враждебной идеологической нагрузки. Они были просто детективами. Тогда это мне было интересно. Находилась время для посещения музеев и Домского собора, куда я ходил слушать орган. Посетил дворец-музей бывшего диктатора Латвии, предводителя латышских фашистов - айзсаргов, Карла Ульманиса. В музее я познакомился с латышкой Валгой и через неё — с её дедом часовщиком. Он, как будет видно дальше, перевернул моё сознание.

12

Я здесь сознательно не называю его имени и настоящего имени Валги, так как представляю методы работы спецслужб Латвии. Они даже по одному подслушанному слову могли раскрутить "дело" и докопаться до источника информации с вытекающими из этого последствиями.

До знакомства с дедом Валги, я считал себя достаточно образованным и эрудированным человеком. Я происходил из семьи врача-психиатра. Всю свою сознательную жизнь я вращался в обществе психиатров и нахватался поверхностных знаний из области психопатологии и психиатрии. Во всяком случае мог правильно употреблять латинские термины, пословицы и названия психических болезней. Кроме этого я общался с "испытуемыми" преступниками, содержащимися в психбольнице для подтверждения диагноза болезни по которой они "косили". Среди них я встретил людей интеллигентных и весьма

эрудированных в своих областях деятельности. От них я научился открывать замки, “ботать по фене”, говорить на мате (не ругаться матом, это пошло) и многим другим полезным для жизни знаниям. Все эти навыки и знания не раз меня выручали. В лице часовщика я встретил человека перед познаниями, жизненным опытом и мудростью которого, мои поверхностные знания оказались полуграмотными потугами. С Валгой я почти перестал общаться - сильно мешал языковой барьер. А к её деду стал заходить еженедельно после тренировок.

Во время встреч с ним я жадно ловил в его рассказах мысли, изречения и сведения из основ немецкой классической философии. В особенности Канта и Гегеля. Мне сильно повезло, что часовщик раньше жил в Петербурге и все эти сведения излагал на чистейшем русском языке. В особенности мне запомнились, изменившие даже мой характер, рассказанные им основы философии Канта, а именно учение о “категорическом императиве”. “ІсБ шияз! ” - Я должен! Понятие о дисциплинирующем умственную деятельность ограничении, “Воля больше, чем ум”, и рассуждения о проблеме “Чистый разум”.

В конце мая и в начале июня 1941 г, обстановка в Риге заметно ухудшилась, Латыши, прекрасно объяснявшиеся на русском, перестали нас понимать. Названия товаров и ценники писались только на латышском. Хорошие наши знакомые стали разговаривать с нами вполголоса и с оглядкой. Видимо работала немецкая пропаганда, хотя внешних признаков - листовок, надписей на стенах и прочего, не наблюдалось. Радиоприёмников у нас не было. Даже я, активно общаясь с горожанами, этой пропаганды не ощущал.

Но были и другие признаки близости войны. В соответствии с доктриной Жукова-Сталина о том, что воевать мы будем на чужой территории, на случай вторжения врага наша граница должна быть прикрыта мощными защитными сооружениями, наподобие линии Маннергейма, которую наши войска так и не прорвали. Во исполнение этого гигантского стратегического замысла и располагая практически неограниченными людскими резервами, наше правительство мобилизовало и бросило на границу Литвы и Западной Украины с Германией сотни тысяч невооруженных людей. Только на западной границе Литвы работали десятки строительных отрядов.

Обучая вождению молодое пополнение на танкодроме, я не раз встречался со строителями в одном из таких отрядов. В нём (для трёхсот человек) было всего 3 мосинских винтовки и один “цинк” патронов. Другого вооружения кроме лопат, носилок и тачек у них не было. Важно отметить, что в отряде было мало автомашин годных для перевозки людей. Все эти обстоятельства привели к тому, что в самом начале войны тысячи безоружных людей, так и не дождавшихся обещанного командованием вооружения, в панике бежали пешими на восток. Встречаясь во время своего панического бегства со свежим пополнением, которое по приказам командования перемещалось к границе, они создавали хаос и панику во встречах отрядах...

Возвратившись в роту, после операции по разоружению латышских воинских подразделений, я по настроениям моих товарищей почувствовал, что приходит конец нашей привольной и спокойной жизни. Следовательно, мне надо было срочно увидеться с моими знакомыми по Риге. Может быть, это будет последняя встреча. Связанные с моим последним посещением города события произошли 18- го июня 1941 г.

Сперва я направился на улицу Гимнастов. Зал был пуст, но мой тренер Сукки на моё счастье ещё не ушёл. Он всегда был не очень многословен, но на этот раз у него нашлось несколько тёплых слов сожаления по поводу моей

будущей судьбы, и мы по-мужски распрощались.

Обычно после тренировки я заходил в кафе “Луна”, что на бульваре Райниса. Кафе было открыто. Меня встретили как знакомого и обслужили, но, как бывало прежде, разговоров не завели. Всё было безмолвно как на похоронах. Оставалось встретиться с моим часовщиком. К моему удивлению он встретил меня как обычно, как будто всё было по-прежнему, по-хорошему. Это было спокойствие мудреца, уже знающего конечный результат того, что происходит, и чем всё происходившее может закончиться. И я, в который раз, удивился его мудрости и способности предвидеть события.

Его последние пророчества в основном сводились к следующему:

- Немцы значительно организованнее Вас, русских. Именно по этой причине на первых порах Вы, русские, будете нести большие потери. Но война всему учит! Научит и Вас организованности.
- Немцев с детских лет школьный учитель воспитывает в духе долженствования (категорического императива), за счёт чего они выигрывали много войн, за исключением междоусобных. Вы, русские, не имеете таких качеств в характере. Поэтому Вы всё равно выиграете, но только за счёт того, что Вас, русских, очень много.
- В войнах побеждают не идеология, не идеи или религия, побеждают экономика, ресурсы и резервы, которые у Вас безграничны.

Эти гениальные пророчества предсказывали мне участие в очень трудной войне, в которой, именно мне, надо было только одно - выстоять. Я простился с дедом, поцеловался с Валгой и больше никогда их не видел. Много раз, приезжая в Ригу, я пытался их разыскать, но безуспешно. Этот квартал был разрушен и капитально перестроен. Жалко!

День 18-го июня я помню до мельчайших подробностей. Именно в этот день наша мирная жизнь сменилась жизнью военной. Прибежал дневальный с приказанием мне и ещё четырём моим товарищам из старослужащих явиться в штаб полка. Появившись в штабе, мы получили различные приказания. Я должен был сесть за прямой “красный телефон” с 12-м механизированным корпусом и ждать команды от вышестоящего руководства. Примерно в 20-00 задрезжал “красный телефон” и в трубке я услышал восклицание: “Пароль Сокол!”. По этому паролю прозвучала команда: “Боевая тревога!!!”,

Далее всё пошло по боевому расписанию, как это не раз проигрывалось во время учебных боевых тревог. Но на этот раз чувствовалась разница как в голосах командиров, отдающих команды, так и в поведении исполняющих команды - в них была заметная нервозность. Но вскоре она прошла. Все эмоции вытеснила работа, обычная тяжёлая работа, которую все умели делать и привыкли выполнять детально. Опыта войны у нас ещё ни у кого не было. Первой задачей в подготовке марш-броска на исходные позиции, который нам предстояло совершить, являлось вытягивание колонны.

Было необходимо вывести около ста танков из нескольких парков боевых машин и поставить их в колонне в соответствии с диспозицией. Эта работа требует нескольких часов непрерывных заводов и глушения моторов при перемещениях танков. На этот раз она закончилась к раннему утру 19-го июня построением колонны вдоль улицы Слокас. После того как мой танк занял требуемое место в колонне, я сбегал в каптерку и взял оттуда некоторые вещи, в том числе вещмешок со своими хромовыми сапогами. Через несколько месяцев они спасут меня от серьёзного ранения.

Утром 19-го раздались долгожданные команды: “К машинам!”, “По машинам!” и “По местам!”. Наконец командир головного танка подал зрительную команду: “Делай как я!” и наша 28-я танковая дивизия двинулась в направлении Шауляя. Прямо на войну!

В ходе марша в район сосредоточения, который был расположен где-то юго-западнее Шауляя, мы встречались как с латышами, так и с литовцами. Они стояли с мрачными лицами, пропуская колонну. Невольно вспомнились толпы радостно встречавших нас людей, когда мы вступали в Литву и Латвию. Пункт сосредоточения располагался в сравнительно молодом смешанном лесу, в котором мы, согласно приказу, должны были немедленно превратить наши танки в ДЗОТы (долговременные защитные огневые точки).

Эту совершенно бесполезную и изматывающую экипаж работу, приходилось выполнять вдвоем - механику-водителю и заряжающему. Командира танка обычно куда-то вызывали. Работа заключалась в том, что для танка надо было вырыть яму по форме его проекции в плане и загнать туда танк. Затем обваловать машину так, чтобы можно было легко выехать, и замаскировать танк дёрном и ветками. В процессе этой бессмысленной работы приходилось вынимать и укладывать 12-15 кубометров земли, вырубать корни и что-то делать, если встречались камни. Конечно мы справились с этой работой. Но тут возникла новая напасть, вытекающая из предыдущей проблемы.

Место сосредоточения полка находилось в лесу, где, как известно, туалет всюду. Наши занятия и весь процесс обучения, даже на танкодроме и стрельбище, проходил при хорошо оборудованных туалетах, не говоря о казарме, где чистота в туалетах непрерывно поддерживалась за счёт многократно получаемых нарядов вне очереди. Будучи в лесу, танкисты, а кто ещё, вели себя как придётся и быстренько его хорошо загадили. Реакция начальства на этот процесс была немедленной и бескомпромиссной - сменить место дислокации и снова зарыть танки. Правда выполнять это распоряжение уже не было времени. Возникли новые боевые задачи. Всё, что было нужно, оборудовали ровиками, заборчиками и даже засыпали хлоркой.

Несколько боевых машин, в том числе и мою, приказали выкатить из укрытий и приготовить для разведки в направлении Тильзита. В настоящее время он носит безликое название Советск. Корень от этого слова используется в бесчисленных, ничего не говорящих названиях других советских городов. В задачу разведки, направлявшейся на Неман, входило изучение будущих исходных позиций при форсировании этой водной преграды. Моя машина была поставлена в арьергард, т.е. последней, для оказания возможно необходимой помощи отказавшим танкам. В колонне было около десятка танков и положенное по штату сопровождение из машин обслуживания: ремонтной летучки типа «Б», бензовоза, санитарки, легковой машины штаба и пр. Всего 5-6 машин сопровождения. Марш предполагался небольшой, примерно 20-25 км. Мы, как и положено выходить в разведку, выехали в ночь с 21-го на 22-е июня.

Хочу остановиться на эпизоде, который хотя и не является боевым, но сильно врезался в мою память. Дело в том, что мой командир танка был отозван для работы в штабе полка. На освободившееся в моей машине место перед разведкой был прислан неизвестный мне командир (в штабе я его не встречал). Я сильно им заинтересовался. Ведь было возможно, что мне придется воевать под его командованием. Пока все командиры танков и представители штаба ушли собственно в разведку, я решил проанализировать свои наблюдения. Не напрасно же я читал книги по психиатрии и психологии.

Заинтересовавший меня командир был среднего роста, пикнического телосложения, видимо сангвиник по характеру. Значит дружелюбный и

общительный человек. Лет ему было около тридцати. Он поздоровался со мной и с заряжающим за руку. Она была теплой и сухой, как у здорового физически человека. Одет он был, как и все мы, танкисты, в комбинезон и кирзовую куртку танкиста. Куртка показалась мне слишком чистой. На голове у него был танковый шлем без ларингофонов. Значит он не смог бы общаться со мной по переговорному устройству и тем более включиться в общую радиосвязь.

Его петлицы были скрыты наглухо застегнутой курткой. При встрече он не назвал своего звания и должности, Значит я сам должен был догадаться, что они были весьма высокого ранга. В танк он влез профессионально - быстро и правильно. Он остался стоять на сидении командира. Ни разу не садился к прицелу. Всю дорогу он стоял перед открытым командирским люком. Вообще от него веяло силой и уверенностью, Поскольку меня всегда интересовали сильные и знающие люди, то мне захотелось воевать под его командованием.

Было раннее утро 22 июня 1941 года, Возвратившиеся из разведки командиры стали расходиться по своим танкам. В это время с запада возник нарастающий гул. Через некоторое время небо на западе стало темнеть и на западном горизонте стало совсем темным. Наконец стало видно, что с этого направления на наши позиции надвигается многоярусная эскадра тяжелых бомбардировщиков. На нижнем этаже эскадры шли штурмовики. Над нашей колонной нижний эшелон спикировал и начал сбрасывать бомбы на наши танки. Первая бомбежка началась в 5.15 22 июня 1941 года. Именно это время следует считать началом ВОВ.

Первой реакцией наших танкистов, и конечно мной, было бегство от танков в ближайшее ржаное поле. Но, отбежав метров на 30, я и многие другие танкисты сообразили, что укрытие во ржи даже очень густой не обеспечивает защиту от бомбежки. Поэтому я и все другие сообразили, что броня танка является более надежной защитой от бомб. И тогда все рванули обратно к своим танкам. Это было очень кстати, так как немецкие штурмовики уже сделали разворот и начали обстреливать (штурмовать) наши танки из крупнокалиберных пулеметов. Никаких серьезных повреждений нашим танкам этот обстрел, как и бомбежка не нанесли. Раненых тоже не было.

Находясь внутри своего танка, я понял, что именно мой танк в настоящее время является непреодолимой преградой для отхода нашей колонны. Слева по моему ходу было танконедоступное препятствие - насыпь железной дороги. Справа был очень глубокий кювет. Ехать вперед до ближайшего разворота я не мог, мой танк был последним в группе. Оставалось двигаться задним ходом, что можно выполнить только при умелом командовании снаружи. Машины сопровождения уже успели убратъся. Видимо с ними уехал, ожидаемый мной, новый командир моего танка. Больше его я никогда не видел. А я его так ждал!

Мне удалось, следуя командам кого-то из командиров, подать мой танк назад метров на 70 до ближайшего удобного разворота, которым все водители и воспользовались. То, что я сделал, было единственно возможным моим действием, а вовсе не геройством, как это потом расценили. Тем и закончилась наша разведка.

А после была война.

ТАК БЫЛО-2

Излагая события первых дней войны, я использую только мои личные воспоминания, которые в некоторых случаях расходятся с официальными описаниями, совпадающими по времени и месту их реализации. Тем более что слишком красочное их изложение, принимаемое за официальную версию, снижает уверенность в их достоверности. Другим существенным отличием того, что я пишу, является различие точек зрения, с которых описываются одни и те же события. Официальная точка зрения базируется на цитатах из приказов, рапортов, сведений из наградных листов и прочих документов, в самой цели написания которых заложена возможность преувеличения. В живописи этот художественный прием называется орлиной перспективой. Те же события, в которых я участвовал, отражены мной из моих воспоминаний, когда я находился на самой нижней ступени ответственности за их реализацию. Я называю эту точку зрения лягушачьей перспективой, и пусть будет так.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ!

Эта скупая строка не создает в сознании читателя образного представления о всей совокупности событий, происходивших в первые дни войны. Наиболее полно характеризовать возникшую ситуацию можно только словом **катастрофа!** Я не берусь здесь судить, почему страна, имевшая отобилизованную армию, командование которой знало о готовящемся нападении немцев, оказалась неспособной достойно отразить их нападение в первые дни войны. Я буду излагать только факты.

Наиболее ёмко сущность всего происшедшего отразил поэт А. Межиров, чьё четверостишие я привожу ниже:

Былой не стало тишины.
То был канун сраженья века!
И все наделали в штаны:
От рядового до Генсека.

Я не ручаюсь за точность цитаты, но всю правду первых дней войны она представляет предельно точно. Хочу предварить вопрос, возникающий с моими воспоминаниями, рассказывать о которых я буду как их очевидец.

Правдиво описать войну можно только отступив от её окончания на достаточное расстояние. Иначе неизбежно возникнет тенденциозное изложение событий, влияние авторитетов и засилье цензуры. Считается, что раньше, чем через пятьдесят лет за это занятие приниматься не следует. Наиболее убедительно этот срок обоснован Л. Фейхтвангером в его романе «Иудейская война», где это время чётко определено длительностью жизни двух поколений. Для меня это время прошло.

Танки, ходившие в разведку, вернулись в 55-й тп уже после того, как 22 июня расположение всей 28-й танковой дивизии подверглось сильнейшей бомбёжке и обстрелу штурмовками немецкой авиации. В результате этого налета дивизия понесла значительные потери в военной технике и в автомобилях с предметами обеспечения: продовольствием, ГСМ и ремонтными средствами. Самый главный ущерб понесли системы управления и проводной связи. Эти системы всегда были главной целью всех немецких военных операций.

Эффективность бомбёжки 28-й тд обеспечивалась абсолютно точными сведениями немецкой разведки о месте дислокации нашей дивизии. Существует выкопировка из немецкой оперативной карты, датированной 21-м июня 1941г., на которой представлены расположения всех воинских частей подчиненных СЗФ и в их числе нашей 28-й тд. Эта выкопировка является приложением к первому изданию книги А. Шарипова «И.Д.Черняховский» [5]. Руководствуясь этими разведанными, немецкие самолёты могли абсолютно точно найти местоположение 28-й тд и беспрепятственно разбомбить её, тем более что средств ПВО при нашей дивизии в то время ещё не было.

Не надо думать, что наша разведка бездействовала. В известной книге Ю.А.Горькова [6] изложены разведанные штаба ПриОВО о готовности группы немецкой армии "Север" к нападению на Советский Союз. В разведсводке №1 начальнику Генштаба Красной Армии от 21.06.41г., 7.25 приводятся данные о стягивании немецких войск к Литовско - Германской границе с подробным перечислением частей, указанием их номеров, мест дислокаций, составе вооружения и предполагаемой численности..

Получив приведенные разведанные, Тимошенко и Жуков издали "Директиву №1" от 21.06.41г., цитаты из которой я привожу:

“... В ответ на возможное нападение немецких войск 22- 23.06.41г. Военным советам Западных приграничных округов провести ряд мероприятий по приведению войск в боевую готовность, для чего:

а) В течение ночи на 22.06 скрытно занять огневые точки укреплённых районов на государственной границе.

К этому времени наши укрепления на старой границе уже были разоружены, а на новой — ещё не были достроены.

Это я видел своими глазами, пересекая нашу старую границу при отступлении в районе Пскова и нашу новую линию предполагаемых укреплений в Литве в районе Немана.

б) Перед рассветом 22.06. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую. **Выполнение этого пункта директивы привело к тому, что 90% нашей авиации, кучно расположенной на аэродромах, было уничтожено в первые часы войны.**

Из Директивы Военным советам ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО следовало: Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам государственную границу не переходить!

Тимошенко, Маленков,
Жуков.

Директива №1 полностью лишала нашу армию всех преимуществ первого удара, как тактических, так и психологических!

Вернувшись в расположение 55-го тп, мы оказались, если не в полном окружении, то наверняка в полуокружении. К 23 июня несколько танков, из числа ходивших в разведку, образовали зону обороны правого фланга расположения дивизии. Практически мы только вели наблюдение за обтекающими дивизию частями немецкой армии, непрерывно прибывающими в зону боевых действий, не вступая с ними в боевой контакт. Мы могли открыть огонь только при появлении вражеских автоматчиков в непосредственной близости от позиции, занимаемой нашими танками.

Во время одного из дежурств наш БТ-7 стоял в каком-то хуторе, и мы, я и заряжающий Сережа, поочерёдно влезали на крышу дома и в бинокль хорошо видели даже лица мотоциклистов в защитных очках. Расстояние соответствовало прямому выстрелу из танковой пушки - ~~800~~ 800 метров.



И. Д. Черняховский

За нашими действиями равнодушно наблюдал хозяин дома, беспокоившийся только о сохранности черепицы, покрывавшей крышу. К позднему вечеру, почти ночью, когда наблюдение стало практически бессмысленным, нашу группу танков вывели ближе к шоссе, приказали поднять пушки на максимальный угол возвышения и сделать в таком положении несколько выстрелов практически в небо. Бесполезность этой стрельбы была очевидна. Один из этих пяти выстрелов сделал я.

Такое относительное спокойствие было только на нашей юго-западной стороне расположения дивизии. Вблизи её штаба 22 июня, как мы узнали позже, шли ожесточённые бои, которыми лично руководил сам И.Д.Черняховский. Очевидно, что немцы пытались замкнуть кольцо окружения вокруг 28й тд. Выручая комдива, возглавившего атаку наших танков против наступающих танков врага, погиб заместитель командира нашего 55-го тп, Борис Петрович Попов, который повел в контратаку остававшиеся в резерве два десятка танков.

Он похоронен, как мы почти всегда хоронили погибших танкистов, рядом со своими сгоревшими танками вблизи деревни Котлинсай. Ему, одному из первых в ВОВ, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [7]. А я и сейчас горжусь тем, что тогда в Риге, получил от него 8 суток строгого ареста. Кажется, что «Устав» не позволял ему дать мне больше. А надо было!

Не трудно представить, что бы произошло с нашей группой танков при прорыве нашей обороны. Часть танков уже стояла без горючего: его не успели подвезти. Другая часть была повреждена во время первой бомбёжки дивизии 22 июня. Но жизнь полка продолжалась даже в окружении. В первую очередь отправили в тыл всех раненых во время боёв и во время бомбёжки. Их было на удивление совсем мало.

Пришел приказ представить к награждению тех, кто отличился в последних операциях. На мой взгляд и по мнению товарищей таких среди нашей группы не было. Но приказ есть приказ, и его надо было выполнять. Под страшным секретом отобрали четырех человек, в том числе и меня, за активность во время разведки. Меня представили к медали «За отвагу». Троих остальных - к медалям «За боевые заслуги». Конечно, это было секретом «полишинеля». Мгновенно он был раскрыт, поскольку сразу последовало распоряжение политотдела: всех, представленных к наградам, оформить в ВКП (б) по условиям военного времени, то есть с трёхмесячным кандидатским стажем.

С одним из рекомендуемых у меня сразу возникли трения. Я написал обычное заявление: «Хочу защищать Родину в первых рядах...». Рекомендуемому этого показалось мало. Оказывается, все мои товарищи написали, что хотят умереть коммунистами. Он потребовал от меня написать заявление так, как они. На это я ответил: «Хочу жить и воевать!». Он обозвал меня трусом, пытающимся пролезть в партию, и пошел забирать свою рекомендацию, на что ему сказали в партбюро - план по приёму уже выполнен, и будет недовыполнение плана. В нашем плановом государстве этого допускать было нельзя.

По этому поводу надо было выпить, и мы вчетвером направились в соседнее местечко в полутора километрах от наших позиций. Может показаться странным: мы почти в окружении, накануне шли жестокие бои, есть убитые и раненые. А вдруг тревога? Но по ночам бои шли редко, В направлении нашего расположения боёв пока не возникало. Немецкие колонны шли на восток и боёв пока не навязывали. Кроме известных нам приказов от командования других

распоряжений не поступало. Оставалось решить, какое оружие брать. Взяли только наганы, личное оружие танкистов. Карабины брать не стали, чтобы не пугать население.

Обстановка в местечке была совершенно спокойной. Встречающиеся нам люди даже здоровались с нами, Где-то примерно в километре от этого местечка шли на восток немецкие автомобильные и танковые колонны, обгоняя наши отступающие части. Мы нашли литовца, который охотно, но за хорошие деньги напоил нас какой-то дрянью. Закуска была отличная. Вопросов с оплатой не было, поскольку мы расплачивались латами - серебряной полновесной валютой. Серебро всегда в цене! Мы обсудили наше положение и обменялись адресами своих ближайших родственников. Это было моё предложение, поскольку я не верил в близкое окончание войны. Ещё были свежи в моей памяти предсказания часовщика, его вера в «категорический императив».

Утром 28 июня обстановка вокруг 28-й тд резко изменилась. Обстрел штаба дивизии начался с северо-востока. Нашу позицию начали обстреливать с юго-запада. На наше расположение открыли огонь тяжелые минометы очередями - через каждые пятнадцать секунд шла серия мин. Видимо этот методический огонь корректировал засевший вблизи от наших танков наблюдатель. Следя из танка за результатами обстрела, я заметил, что с каждой серией мин разрывы приближаются к нашим танкам. Крикнув заряжающему: «Серёжа - канайся!», я выскочил из башни, крича на бегу: «Серёжа рви копи!». Командира в наш танк так и не назначили в связи с большими потерями командного состава после контратаки Б. Петрова, выручавшего комдива. В соответствии с субординацией я был обязан принимать самостоятельно все, последовавшие за этим обстрелом, решения.

Норма ГТО на стометровку была 12 секунд, Пробежав всего полсотни метров, я стал ждать окончания обстрела. Мину г через 7-10 огонь прекратился и я с той же скоростью побежал обратно, думая, что там с Серёжей. Подбежав к танку и поднявшись на него, я увидел, что люки башни закрыты изнутри. Это значило, что Серёжа был в танке. На моё счастье люк водителя (мой люк) был закрыт неплотно. Через него я и влез внутрь танка. Серёжа был без сознания, его сильно контузило. Тут я обратил внимание на повреждения в самом танке. Мина от тяжёлого миномета угодила в самое слабо бронированное место в танке — в крышу воздухоочистителя. Обе крышки клапанных коробок так же были разрушены. Требовалась замена мотора. Эту работу в боевых условиях выполнить было невозможно, как и эвакуировать танк в обстановке окружения.

Взрывом этой мины, попавшей в танк, и был сильно контужен Сергей. Он почти потерял слух и мучился от сильной головной боли. Его надо было срочно отправить в тыл, пока ещё существовала такая возможность. Я написал ему адрес моих родителей. Для связи!

Как я ошибался, думая, что самое крепкое и надежное в моей жизни место это родительский дом. Через месяц после начала войны отца, полковника медицинской службы, призвали в армию и вручили ему госпиталь с тяжело ранеными в городе Уфе. Их надо было не только лечить, но ещё и выхаживать. Моя родная Калуга была оккупирована немцами, и мой родной дом был разграблен и сгорел. Мародёрство и грабежи начались с первых дней войны, в чём я убедился уже в Риге, вернувшись в расположение 28-й тд на улице Слокае.

Оставшись один, я был обязан принять решение, что сделать с небоеспособным танком. Вопросы ремонта и эвакуации полностью отпадали. Значит я должен был разоружить танк и привести его механизмы в непригодное состояние. Мотор танка уже был негоден для эксплуатации, оставалось разобраться с вооружением, прицелом и командирской панорамой. Я далёк от

сентиментальности, но признаюсь, что мне было тяжело разоружать свою боевую машину, как будто я терял частицу себя. В первую очередь надо было вынуть затвор из пушки. Его следовало отнести подальше от танка, закопать и замаскировать место захоронения. Пришлось снять и оптику: прицел и панораму. Закапывая приборы, я вспоминал, как дорого они стоили. Но пришла пора не огорчаться от потерь, а привыкать к ним. Любая война это бесконечные и совершенно бессмысленные потери! Осталось решить вопрос о пулемете ДТ (Дегтярева танковый). Это было отличное боевое оружие, я не раз получал благодарности за стрельбу из ДТ. Но это была стрельба из танка. Вне танка из ДТ можно было стрелять, используя сошки, а сошки Серёжа куда-то задевал. Тащить такую тяжесть (без диска 7,5 кг) я не решился. Я его закопал тоже. Я взял вещмешок с моими хромовыми сапогами и вместе с другими танкистами, оставшимися без машин, отправился на место сбора, которое было в 1,5 км от оставленной нами техники.

Отдохнуть и собраться с мыслями после переживаний мне не удалось. Меня разыскал политрук, тот самый, который принимал меня в партию. Он попросил, конечно это был приказ, вернуться к оставленным танкам и взять из его танка полевую сумку с партийными документами. Он пытался убедить меня в том, что если эти документы, а среди них было и моё заявление о приеме в партию, попадут в руки немцев, то в первую очередь пострадаю я.

Конечно за потерю этих списков должен был нести ответственность он - политрук, и не от немцев, а по партийной линии. Мы оба понимали, что это лажа, но я по военной привычке сказал только: «Есть принести!». Я довольно быстро нашёл брошенные нами танки и танк политрука. Его полевая сумка, как он и описал, висела на левом триплексе в башне танка. Попутно я отметил, что затвор из его пушки вынут, а пулемёт ДТ оставался в спаренной установке. Вынимать пулемёт из установки и закапывать его у меня не было времени. Я вынул из него затвор и на обратном пути выкинул его в кусты подальше.

Есть неписанное правило танкистов - ходить по полю боя, только по следам танковых гусениц. В этом случае танкист не напорется на мину. Они либо уже взорвались под тяжестью танка, либо их там нет. Но главное в том, что, шагая по следам своих гусениц, танкист придёт к своему танку или вернётся на исходные позиции, где его ждут свои.2В моём распоряжении таких следов не было. Наши повреждённые танки остались позади, поэтому я пошёл наугад. Расстояние было по моим представлениям всего 1,5 км. Звуки стрельбы, по которым я собирался ориентироваться, слышались со всех сторон. В довольно низком лесочке я вообще потерял направление на восток, тем более, что день был пасмурный и ориентироваться по солнцу не было возможности. Вскоре я вышел на какую-то дорогу, которая привела меня на хутор, откуда я немедленно был обстрелян дробью. Несколько дровинок достались и мне. Вспомнив, что я рассчитывал попросить на том хуторе воды, я стал искать воду и наконец нашел её в копытном следе какого-то домашнего животного. День был жаркий, и выбора не было. Время шло, а я так и не определил, где восток. Я пытался вспомнить все правила, которым нас учили на уроках топографии в учбате, Мох должен был расти интенсивнее с южной стороны стволов. Здесь он рос одинаково со всех сторон ствола. Наверно климат был такой. Были и другие признаки стран света. К примеру, алтарь в православной церкви всегда обращён на восток. Алтаря поблизости не было.

Внезапно я расслышал характерный звук движения танков. Решив, почему-то, что это наши танки, я побежал на этот звук и увидел колонну танков примерно в сорока метрах от себя. На башнях танков были черные кресты, Я был

в кустах и рухнул на землю, Ползком стал выбираться подальше от этого опасного места, Теперь я смог найти направление на наше расположение и вскоре вышел к нему. Там я нашёл своих товарищей и командира, распоряжавшегося эвакуацией танкистов, оставшихся без танков. Теперь у меня было достаточно времени, чтобы представить себе, что могло произойти со мной, если бы я подошёл поближе к немецким танкам. По этому случаю я считаю день 26 июня вторым днём своего рождения.

Мы переночевали прямо на земле, благо ночь была теплая. Утром 2.7 июня всех нас из остатков 55-го тп посадили в открытые бортовые машины и под прикрытием танков 56-го тп, которыми командовал майор И.И. Герко, мы выехали на Митаву, Так началось отступление 28-й тд, которая всегда отступала или выходила из окружения с боями и только после всех. Так было и в эти дни начала войны.

Из жгучего любопытства, которым я всегда отличался, я попытался узнать, что же произошло в первые дни войны с 28-й тд. Поскольку я не принимал участия в активных боевых действиях, чем я был занят ясно из выше написанного, то мне оставалось выяснить определенные бесспорные факты из разговоров с непосредственными участниками боёв. Во время ожидания отправки на Митаву я узнал, как от самих танкистов, так и от знакомых мне офицеров штаба полка, несколько важных сведений, фактов и дат. По ним я могу ответственно описать события, происшедшие с 28-й тд и её командиром, И.Д. Черняховским, который в первые дни войны проявил себя как храбрец и как волевой комдив.

По моему мнению события разворачивались так. Немцы, наступая из Тильзита, того самого города, который по стратегическим планам нашего командования, мы должны были захватить в первые дни войны, форсировали Неман и 22 июня взяли городок Таураге. Стремясь организовать противодействие немецкому наступлению, командование 12 механизированного корпуса, в состав которого входила и наша 28-я тд, отдало приказ комдиву И.Д. Черняховскому выйти на рубеж Саудвиле - Рассиняй.

Однако эта операция не удалась, несмотря на то, что её возглавил, будучи в атакующем танке, лично комдив И.Д. Черняховский. Бон 24 июня происходили где-то севернее рубежа Варняй - Ужентис. Силы немцев существенно превосходили наши, потрепанные немецкой бомбёжкой 22 июня. Наша атака не удалась. Ни в одном из этих боёв не было поддержки пехоты и нашей авиации. Так воевала 28 тд.

Последний сборный пункт 28-ой тд был назначен севернее Шауляя на речке Мужа, между Вайды и Помуши. К этому времени в дивизии оставалось менее 40 танков из двух сотен, с которыми наша дивизия начала войну. В этот день началось наше организованное отступление. Многие части в это время просто бежали!

После Митавы наша организованная колонна останавливалась, пропускала новые подкрепления,двигающиеся в район боев. Свежие части неизбежно сталкивались с группами безоружных строителей из стройотрядов, возводивших линию обороны на границе Литвы с Германией. Они не дождались обещанного оружия и в панике рвались на восток. Это было столкновение двух резко различающихся психологий и возбуждало панику в частях, двигавшихся к месту боёв. Всё это происходило несмотря на патриотические призывы, лившиеся непрерывно из сопровождавших нашу колонну радиостановок.

Впечатления, связанные с первыми днями отступления, крепко застряли в моей памяти. Однако записать их в стихотворной форме я смог только получив возможность распоряжаться своим временем. Это я осуществил в госпитале,

который был в монастыре города Ченстохов. В него я попал после последнего тяжёлого ранения.

Привожу это стихотворение, содержащее самое существенное из моих первых впечатлений о начале войны.

АЗБУКА ВОЙНЫ

Мы с января готовились к войне,
Надеявшись без боя быть в Тильзите,
Не позже, чем на будущей весне,
Где немцы нам с поклоном скажут *bitte!*

В Прибалтике, тепло встречавшей нас,
Вдруг русских узнавать не стали.
Молчали и, не поднимая глаз,
Вздыхали тяжко, будто бы устали.

К нам шла война. Её все ждали.
И по паролю «Сокол», наконец,
«Громя огнем, сверкая блеском стали...»
На Неман танки выдвинул «Отец»!

В июне полк стал прочно на границе,
По башни танки в землю закопав,
Полк ждал приказа: «На Тильзит пробиться!»,
Захватывая вражеский анклав.

Вставало солнце над ничьей рекою.
Еще в росе были окрестные поля,
Когда от самолетов шедших строем,
Упали бомбы, вздыбилась земля!

Крушили все круговороты взрывов!
Горели танки! Лопался металл!
И лес плясал под музыку разрывов,,,
Такой войны никто не ожидал!

В последнем четверостишии я пытался описать то положение, в котором оказалась 28-я тд после бомбежки 22 июня. Дивизия потеряла несколько десятков боевых машин, и возможно этим объясняется неудача контрудара, который лично возглавил И. Д. Черняховский.

Танки, ходившие в разведку, вернулись в 28-ю тд уже после бомбёжки. То, что мы увидели, были только её результаты, которые нас потрясли. Главная потеря заключалась в том, что мы начали терять своих боевых товарищей. Но стали очевидны и другие мелкие потери. Уже по пути в Елгаву я узнал, что наша документация на представление к наградам сгорела накануне вместе со штабной машиной. Сгорели и партийные документы. Из-за этого мне пришлось вступать в партию во второй раз.

Жалко конечно, но уж слишком легко достались нам эти награды!

До Елгавы мы ехали относительно спокойно, пропуская только машины с ранеными. Дорога Елгава - Рига, по которой прошла наша 28-я тд, возвращаясь в свое расположение, оказалась забитой отступающими или бегущими частями.

Порядка на ней не было. Поэтому наша колонна повернула на город Слоку, знакомый нам по многократным выездам на полигон или танкодром.

На дороге Елгава - Слока нас ожидал ужасный по своей зверской сути, сюрприз от латышских фашистов - айзсаргов. В двух местечках на нашем пути они выложили дорогу трупами убитых ими женщин и детей. Такими группами трупов айзсарги встречали нас на въезде в местечко и провожали на выезде. Видимо всё это делалось для нашего устрашения. Особенно ранил сердце тот порядок, с каким укладывались трупы и трупики детей - женские вместе и отдельно детские, тоже вместе. В одной из групп я насчитал более десяти трупов.

Латыши были очень аккуратными людьми, это следовало из того порядка, в котором они укладывали тела убитых ими. В Риге я узнал, что айзсарги таким образом мстили тем латышам, которые служили в советских учреждениях. Пионеров они душили на галстуках. Сам я этой подробности не разглядывал, но могу поверить в это, после того, что я увидел своими глазами.

Дальнейшее продвижение нашей колонны проходило по шоссе Слока - Рига, которое кончается улицей Слокас, Это уже был район размещения 28-й тд. Знакомое нам до боли в сердце шоссе проходит вдоль Рижского залива с левой стороны, а с правой — вдоль бесконечной вереницы дачных домиков. Припомнились многократные возвращения наших танков с полигона. Обычно мы возвращались поздним вечером. От всех домиков слышалась музыка, песни и приветствия в наш адрес. Сейчас всё было пусто и как-то непривычно мёртво.

Мы, оставшиеся без машин танкисты, вернулись в казармы 55- го тп 30 июня. В первую очередь я направился в каптёрку, в которой должны были храниться наши личные вещи. Там был полный разгром, следы грабежа и мародёрства. Не трудно было догадаться, кто это учинил.

Нам было известно, что для охраны всех ценностей и имущества дивизии был оставлен 28-й автобронетанковый полк. Следовательно, и грабили и мародёрствовали они. Больше это делать было некому. Находившиеся на территории военного городка магазины, как продовольственный, так и промтоварный, также были разграблены. Для нас, уже переживших первый разгром полка и первые потери, было странным представить себе, что они будут делать с награбленным добром, и как они сумеют его вывезти. Себя я похвалил за предусмотрительность с какой я захватил свои хромовые сапоги, бывшие у меня за спиной в вещевом мешке. Но подарок, который я приготовил для своей матери, был украден.

От майора, руководившего нашей эвакуацией, поступила команда привести в боевую готовность стоявшие на ремонте танки. В случайно сформированном экипаже я оказался в положении заряжающего, по-прежнему именуемому командиром орудия, Командиром танка оказался лейтенант, бывший командир взвода в другой роте 55-го тп. Механиком-водителем был назначен его бывший механик. Нашему экипажу поручили закончить ремонт танка БТ-7А с 76,2 мм короткоствольной пушкой. В этом танке оставалось поставить и закрепить болтами несколько листов брони снятой с него при установке восстановленного, как я заметил, а не нового, двигателя. Командир танка, имевший целью как можно скорее закончить ремонт, приказал мне не закручивать на всю резьбу с начала до конца броневые болты, а завернуть болты на несколько оборотов и загонять их в резьбу ударами кувалды. Конечно эта технология существенно ускоряла процесс ремонта, но танк становился неремонтопригодным. В нашей обстановке это качество от танка и не требовалось — танк шёл в последний бой. Что касалось нас, то кому как повезёт!

По приказу заместителя комдива 28-ой тд наш танк занял позицию перед домом Черноголовых - знаменитым зданием, оставшимся в Риге ещё со времён

балтийской Ганзы. Помню, я не раз после тренировок приходил к нему любоваться его неповторимой архитектурой. Должен добавить, что этот дом был разрушен во время освобождения Риги. На его месте был сооружен памятник латышским стрелкам, охранявшим В.И.Ленина. В настоящее время архитектура дома Черноголовых восстановлена полностью. Конечно наш танк был поставлен не для охраны этого дома. С того места, где стоял танк, открывался великолепный сектор обстрела на понтонный мост через Западную Двину. Мост из-за какого-то разгильдяя, как нам объяснил зам. командира нашей дивизии, не был своевременно взорван. К нему с набережной левого берега реки ползли наступающие немцы.

Я видел это через телескопический прицел ТОП. Некоторые из немецких солдат были даже в окровавленных бинтах. По версии нашего командования город Рига был обещан наступающим немцам на три дня на разграбление. Рига была действительно очень богатым городом.

Я указал командиру танка на исключительно удобную позицию для прямого выстрела из нашей 76,2 мм короткоствольной пушки. На это он показал мне через свою командирскую панораму ПТ-1, что на левом берегу Западной Двины разворачивалась немецкая батарея 50 мм пушек PaK 38. Я опознал ее, так как нас этому обучили, когда готовили 28-ю тд к захвату Тильзита. Мне стала ясна бессмысленность и опасность моего предложения. Наш танк после пары наших выстрелов немедленно был бы расстрелян бронебойными снарядами. А мы даже не могли причинить серьёзного урона врагу. Значит война нас уже кое-чему научила. Прав был старик-часовщик!

Вскоре всей нашей группе танков, стоявших вдоль набережной около Старого города, было приказано выйти из Риги. Мы должны были отступать по направлению на Мадону, догоняя ушедший по направлению Мадона - Остров 55-й тп нашей дивизии. К вечеру 30 июня наша колонна оставшихся девяти отремонтированных нами боевых машин покинула Ригу. Прощаясь с Ригой, когда колонна проезжала мимо памятника «Освобождения», я вспомнил, что около него я дежурил в танке в те дни, когда Латвия присоединялась к СССР. Значит, в её присоединении есть и моя заслуга. Я очень сожалел, что не смог увидеться с дедом-часовщиком и Вал гой. Уже шла настоящая война!

Не буду описывать весь довольно однообразный путь на Ма-Д^{он}У, прошедший без боевых столкновений с весьма редкими обстрелами немецких штурмовиков. За несколько километров до Мадонны У нашего танка заклинило двигатель. Как я и предположил во время ремонта нашего БТ, в нём был установлен плохо отремонтированный двигатель. А может быть это был результат диверсии? Таких случаев в начале войны было много. Ещё когда дивизия стояла в пункте сосредоточения под Шауляем, были случаи получения бензина, смешанного наполовину с водой. Я сам был этому свидетель. Говорили, что в снарядных ящиках к 45 мм пушке вместо этих снарядов была бумага. Ящики были опломбированы, а по весу всё сходилось.

По приказу командира танка я разоружил наш БТ-7, как раньше свою машину. Однако наш командир не позволил закапывать пулемет ДТ. Я взял его и сошки, а механик-водитель взял два диска к нему. Сам командир безжалостно разбил танковый прицел и командирскую панораму. Поскольку предстояло ехать на попутной машине, а не топать, я не стал возражать против бессмысленной нагрузки, предполагая решить этот вопрос после в удобном месте...

Мы оставили наш танк и пересели в проходившую мимо бортовую машину нашего полка, везущую НЗ - неприкосновенный запас продовольствия. Соседство было на мой взгляд весьма привлекательным, и кладовщики были

довольны нашим соседством, поскольку оно гарантировало им определенную защиту от попыток разграбления продуктов. Хорошо питаясь, мы спокойно проехали по маршруту Мадона-Оотров-Порхов-Дно. Дальнейшее наше продвижение к поставленной цели - Новгороду — было прервано. Нас остановил заградотряд.

Машина с продовольствием была арестована до выяснения её принадлежности к 28-й тд. В соответствии с последними распоряжениями СЗФ нас должны были передать в ближайшую пехотную часть. Такая перспектива нас (танкистов) не устраивала. Мы не были дезертирами и, сознавая свою ценность, как уже воевавших танкистов, хотели только снова сесть в танки и снова воевать. Нас никто не охранял, и мы решили сбежать ночью и двигаться пешими через лес на Новгород. У нашего командира была топографическая карта. Неожиданно, продвигаясь в лесу глухими тропинками, мы встретились с другой группой, двигавшейся к Новгороду. Среди них были и танкисты из 28-й тд. Случайно выйдя на открытое место, наша группа, которая уже насчитывала 12-15 человек, почти все танкисты, была снова остановлена пехотными командирами. Они положили нас на землю и приказали окапываться. Ни оружия, ни лопат нам конечно не дали. Из оружия у нас были только наганы, и окапываться нам было нечем. Прележав так до вечера и увидев, что положившие нас на землю командиры слиняли, не остались на этой наспех организованной и ни чем не обеспеченной линии обороны и мы.

Несколько раз по пути в Новгород нас обстреливали немецкие штурмовики, опускавшиеся так низко, что были видны лица немецких летчиков. Мы видели защитные очки и даже зловещий оскал их морд. Но мы уже перестали бояться обстрела штурмовиков, попросту отбегали в сторону перпендикулярную направлению их полета, и спокойно лежали на земле, наблюдая за неопасными для нас манёврами немецких самолетов. Ведь научила нас кое-чему война!

Где-то недалеко от Новгорода мне пришлось увидеть грандиозный налёт немецкой авиации на наши тылы. Немецкие эскадрильи, от которых потемнело небо, шли в три этажа на высоте примерно 2- 3 км. Конечно я мог совершенно спокойно наблюдать за их действиями, не опасаясь бомбежки. Внезапно эти эскадрильи стали разворачиваться. Одна половина их повернула на север, как я понял бомбить Ленинград, другая — на юг, следовательно, бомбить Москву. Здесь я подумал, что в этот день, как и предсказывал мой часовщик, Гитлер проиграл войну. Что было бы, если бы все самолеты были направлены только на Ленинград или только на Москву. Могли бы пасть Ленинград или Москва? Возникла бы совершенно другая военная обстановка, в которой, как предсказывал часовщик, мы всё равно победили бы. Но какой ценой, какой потерей наших резервов?

Однажды нашу группу слегка пробомбили,²⁸ сбросив на наши головы несколько малых бомб, разрывы которых осыпали нас осколками. Досталось моим хромовым сапогам. Я их всё время носил в мешке за спиной. Осколок бомбы пробил насквозь завёрнутые в голенища подметки сапог. Если бы не сапоги, то осколок ударил бы по моему позвоночнику. Последствия этого очевидны и могли бы быть ужасными. Мы были вдалеке от дорог, и помощи ждать было не от кого.

Наконец, следуя на восток, мы вышли на железную дорогу, которая судя по карте нашего командира, должна была привести нас в Новгород. Собственно чего мы ожидали в Новгороде или по пути к нему? у всех нас была одна надежда - встретить любую танковую часть и влиться в неё. В город мы пришли поздно ночью. Я не знаю какого это было числа. Скитаясь по лесам, я давно перестал

вести счет дням. Скорее всего это была середина июля.

Город поразил нас своей мрачной темнотой и абсолютной тишиной. Даже лай собак не было слышно. Продвигаясь по направлению к Волхову, мы наконец встретились с патрулем, который, следуя уставу, подал команду: «Лечь на землю! Руки за голову!», на которую мы, не думая ей выполнять, ответили дружным хохотом. А как ещё могла ответить группа вооруженных наганами танкистов, многократно прошедших подобное испытание. Из беседы с комендантом города мы поняли, что поблизости от Новгорода нет танковых частей. Поскольку военная обстановка вокруг города была относительно спокойной, комендант приказал нашей группе обеспечить оборону западного берега озера Ильмень в 15-20 км южнее города.

К нашему общему сожалению командира танка, с которым мы прошли такой длинный и трудный путь до Новгорода, с нами уже не было. В нашей группе танкистов к этому времени осталось одиннадцать человек, Вероятно нашему командиру, как офицеру, вручили какую-нибудь группу из бегущих на восток солдат и положили их в оборону под его командованием. Это мы видели не один раз, и даже сами подвергались такому обращению.

Выполняя приказ коменданта, наша группа вышла на берег озера Ильмень, и сразу все мы почувствовали неизъяснимое блаженство от бескрайних водных просторов и благоприятной температуры воздуха... И от всей спокойной обстановки, в которой мы, хотя бы на некоторое время, отключились от войны. Я вырос на Оке, пока она ещё была полноводной. В это время до Калуги ходили пароходы, но очередная стройка социализма - неудавшаяся Калужская ГЭС - испортила как реку, так и всю природу вокруг города. После того, как вырубili калужский бор под водохранилище, Ока обмелела, а ГЭС, как оказалось, нельзя было строить по геологическим условиям.

Невольно я стал руководить действиями нашей группы, В первую очередь надо было организовывать свой быт. Поскольку все бросились купаться, то первое, что я предложил, это купаться по очереди. Остальные должны были создать укрытия от возможного дождя. Второй задачей, которую я поставил, было организовать рыбалку. Конечно ни сетей, ни даже простейшей удочки в нашем распоряжении не было, Но у всех были гранаты «Ф-1», Поскольку никто не знал, как при помощи взрыва ловить рыбу, то сперва я продемонстрировал этот процесс на личном примере,

29

Первое правило: надо после взрыва, или взрывов, если брошено несколько гранат, как можно быстрее нырять за рыбой, пока она не очухалась.

Второе правило: если брошено сразу несколько гранат, то надо сосчитать число прогремевших взрывов и понять почему. Следует иметь в виду, что это самый неэкономный способ ловли рыбы. Из оглушенной взрывом рыбы удаётся достать не более одной десятой части. Несмотря на такие потери, мы её глушили, ловили и пекли. Так мы прожили два дня. На третий день, когда я в очередной раз полез за рыбой и выбрался на берег с довольно крупной рыбой в руке, то оказался перед проверяющим нас пехотным командиром. Он размахивал пистолетом ТТ перед моим носом и кричал: «Расстреляю за демаскирование позиции!». Тогда многие, чувствуя своё бессилие, употребляли эту угрозу.

Я был совершенно голый и в руке у меня был не наган, который можно было вынуть в ответ, а рыба. И тут я почувствовал, что меня окружают молчаливые танкисты. Некоторые даже стали заходить спереди, как бы прикрывая меня от истеричного командира, машущего пистолетом. В конце концов он удалился, произнося различные угрозы в наш адрес, которые он реализовал через коменданта города.

На другой день к нам явился наш новый командир- лейтенант, в очках и в свежей амуниции, видимо только что окончивший ускоренные курсы. По приказу коменданта города, вся наша группа включалась во взвод под командованием этого лейтенанта. Мы должны были немедленно перебазироваться на новое место, находящееся в 6 км от восточной стороны Новгорода. Это место находилось в направлении на Кирилловский монастырь, который был уже захвачен немцами и который мы должны были отбить обратно.

Наш новый командир оказался очень приятным человеком. Он был учителем физики только что начавшим преподавание. Он сразу признал наше превосходство, как уже обстрелянных солдат, и, даже не поговорив со мной подробно, понял, что я лидер в этой группе. Это мне конечно польстило. Но у него был один весьма существенный физический недостаток: при волнении он начинал заикаться. И чем сильнее было волнение, тем сильнее он заикался. Конечно все это заметили, и через два дня весь взвод научился заикаться. Особенно интересно было в исполнении одного моего товарища, обладавшего несомненными актерскими способностями, слушать старые анекдоты с поправкой на заикание.

Так мы проводили своё время, которое всё было свободным, поскольку мы ожидали приказа выбить немцев, засевших в Кирилловском монастыре. Мы занимали брошенную жителями деревню, где оставалось довольно много кур. Яйца, на которых они сидели, уже не годились для еды. Но сами куры весьма годились. Было ещё одно развлечение, против которого ужасно, вплоть до заикания, протестовал командир взвода. Дело в том, что нашу деревню обстреливали из крупнокалиберного пулемета немцы. Но пули не достигали деревни, а ложились метрах в трёхстах перед избами. Среди нас находились смельчаки, которые старались подойти к месту падения пуль, поднимавших комочки земли при своем ударе. Надо было пройти как можно ближе к полёту этих комочков,

Пришёл конец и нашим курам и нашим прочим развлечениям. Наш взвод был доукомплектован за счёт собранных из разных частей солдат. Большой частью пополнение состояло из беспорядочно отступавших, короче бежавших с поля боя, даже без оружия. Нас, группу танкистов и «подкрепление», кое-как вооружили. Я выбрал винтовку СВТ. Большинству вручили мосинские винтовки, возможно оставшиеся ещё с гражданской войны.

Ранним утром нас вывели на исходные позиции на берег какой- то речки, через которую нам предстояло переправляться. Поискав вдоль берега, мои танкисты нашли лодку без вёсел. А кто оставляет вёсла в лодке? Сбегали за шестом. Но оказалось, что никто кроме меня не умеет управлять лодкой при помощи шеста. Я ведь вырос на Оке. Поэтому командир взвода приказал мне возить солдат на другой берег, а обратно ~~возить~~ везти раненых, которых накопилось немало. Лодка вмещала не более шести солдат с оружием. Каждый раз я, возвращаясь, вёз обратно 5-6 раненных солдат. Не выдержав этого однообразия, я сказал командиру взвода, который руководил посадкой солдат: «Зачем их возить туда сюда? Давай будем их стрелять на этом берегу!». На что он сказал заикаясь: «Э-тто-оо юю-мо-оор вии-сель-нии-ка!». Этим показав, что он интеллигентный человек, принимающий все серьезно, а не так как я, циник Но » то время мне не было стыдно за свои слова, Стыд ко мне пришел значительно позже, когда я столкнулся с исполнением приказа И. Сталина № 227.

Внезапно немцы начали обстрел переправы из миномётов. Я на обратном пути вёз несколько раненых и, опасаясь, что они могут утонуть, если мина попадет в лодку, решил проскочить зону разрывов мин. Когда я был у самого берега, осколок мины ударил меня в кисть правой руки. Конечно, с одной левой

рукой я уже не мог толкаться шестом, и мой командир взвода, сделав мне перевязку, отправил меня в тыл в пункт первичной обработки раненых. Там мне сменили перевязку и сделали укол от столбняка, отправили дальше в тыл в эвакогоспиталь, который так и назывался ЭГ-700.

В этом госпитале, пройдя необходимые процедуры, я наконец, спокойно заснул на койке под одеялом. Но отдохнуть мне не пришлось. Поздно ночью меня разбудила дежурная сестра, которая повела меня в комнату, где уже сидели трое раненых. Оглядев их, я обратил внимание, что у всех были перевязаны кисти правых рук. Тут я сообразил, что попал в компанию самострелов, которых полагается расстреливать. Не дожидаясь развития дальнейших событий, я стал разбинтовывать свою кисть. И вовремя!

В комнату вошли трое в синих фуражках. Это были контрразведчики из недавно организованной контрразведки СМЕРШ. Я не стал дожидаться вопросов, сам протянул одному из них свою раненую руку с касательным, а не сквозным, как бывает у самострелов, ранением. Впрочем такие же ранения могли получить и не самострелы. Достаточно было просто поднять руку из окопа, как снайпер простреливал её. Повертев мою пораненную руку, один из "синих фуражек" показал её другому, сказав мне: «Идите пока!». Эту фразу я потом не раз слышал при не менее критических обстоятельствах.

Что произошло на другое утро я потом описал в стихотворении, которое привожу ниже, с той лишь разницей, что расстреливали двоих, а я написал только про одного. Не укладывался второй приговорённый к расстрелу в размер моего стиха.

ТОГДА В СОРОК ПЕРВОМ...

С утра в каре был госпиталь построен.
В его середине без обмоток без петлиц Стоял понуро бывший
русский воин Перед глазами сотен жёстких лиц.
И вот перед полураздетым строем,
Где кто в бинтах, кто еле мог стоять,
В фуражках синих вышли трое.
Чтоб перед нами труса расстрелять.
Чтоб в ожиданье смертной казни,
Здесь каждый вдоволь посмотрел,
Как будет осужден «указник»,
Как жизнь закончит «самострел».
С лопатами «к ноге» стоял наряд.
Была могила вырыта в овражке.
Для нас, чуть оклемавшихся солдат,
Зачитан приговор,
Тем самым, кто в фуражке.
Конец! Не проронив ни звука,
Сам на колени смертник стал,
Прижав к груди прострелянную руку.
И полотенцем кто-то ловко,
Ему затылок завязал.
К таким в нас злость была не малой!
Но чтобы без эксцессов казнь прошла,
Наверняка, немало бромурала,
Ему ввела дежурная сестра.
В набрякшей тишине в упор, в затылок — выстрел!
Он — вниз лицом. Знать сразу был готов...
Лишь только дергался ногами быстро-быстро,
Ботинки скинувши. Они ведь без шнурков..
Вровень с землей заровнена могила,
Никто не вспомнит места, хоть зарежь!
Но память обо всём, что было,
Хранят архивы контрразведки СМЕРШ.
А здесь же рядом, уже рвались мины.
И лишь заслышав шорох вражьих пуль,
Почти без выстрелов катилась в тыл лавина.
Был сорок первый год тогда! Июль!
Июль 1941г. Валдай.
Госпиталь ЭГ-700

После была эвакуация раненых, которых набрался полный состав
теплушек. Несколько раз состав обстреливали ³² немецкие штурмовики, и наконец
нас выгрузили в г. Вышний Волочек.

ТАК БЫЛО - 3

В тылу, как и на фронте, в то время все жили по законам, которые считалось, были созданы или подписаны лично И.В. Сталиным. Поэтому их нарушение или простое отклонение от выполнения таких законов, считалось грубейшим преступлением и жестоко, по "сталински", каралось.

Так произошло и с приказами И.Сталина, относящимися к периоду 1941-42 гг, касающимися вопроса сохранения кадров танкистов, оставшихся без танков. Под действие этих приказов попал и я после того, как очутился в батальоне выздоравливающих 143 ЗСП в Красном городке Вышнего Волочка,

И. Сталин хорошо представлял сколько времени потребуется, чтобы подготовить боеспособные танковые экипажи для нашей Победы,

В ТЫЛУ, КАК И НА ФРОНТЕ

Известно два приказа И.Сталина, подписанные им в дни самых тяжелых оборонительных боев на наших последних перед Москвой рубежах. Эти приказы относятся к 1941-42 гг. Тогда по всем фронтам в два приема было снято с передовых позиций один раз 1500 , а в другой раз более 1200 танкистов, оставшихся без танков и используемых в качестве простых пехотинцев, обстрелянных, русскоговорящих, как требовалось в приказе. В этих же приказах было предусмотрено, держать этот резерв в тылу, используя его только в караульной службе и на подсобных работах. В этот же резерв автоматически включались выздоравливающие после ранений танкисты.

В дополнение к этим двум приказам 13 декабря 1942 г. И. Сталин подписал приказ об использовании танкистов только по специальности [8]. Под этот приказ после ранения подал и я, то его привожу полностью.

№302

ПРИКАЗ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАНКИСТОВ ТОЛЬКО ПО
СПЕЦИАЛЬНОСТИ №0953 13 декабря 1942 г.

До сих пор во фронтах и военных округах наблюдаются массовые случаи использования среднего командного состава, младшего начальствующего и рядового состава танкистов не по специальности, в том числе водителей танков, башенных стрелков, артиллеристов, техников и т.д. в качестве стрелков, пулеметчиков, артиллеристов в пехоте, других родах войск и тыловых учреждениях.

Приказываю:

1. Военным советам фронтов и военных округов до 30 декабря 1942 г. изъять средний, младший начальствующий и рядовой состав танкистов, используемых не по специальности, из частей, соединений и тыловых учреждений и направить:

а) во фронтах средний командный и технический состав - в отделы кадров АБТ войск, младший и рядовой состав - в учебные танковые полки и резервные танковые батальоны фронтов;

б) в военных округах - в отделы кадров и учебные танковые полки, дислоцируемые на территории округа;

в) по выздоровлении из госпиталей после ранений и болезней танкистов направлять только в свои части или в отделы кадров, учебные полки и резервные танковые батальоны (пункты «а» и «б»).

Впредь использование личного состава танкистов всех вышеуказанных категорий и специальностей не по назначению кому бы то ни было категорически запрещается.

Исполнение донести к 5 января 1943 года.

Народный комиссар обороны И.Сталин, ф.4. оп. И.д. 73.Д.340.
Подлинник.

Перечитывая и анализируя приказы, подписанные лично И.Сталиным в 1941 - 42 гг., можно заключить, что он уделял много внимания как тактике использования танков в наступательных боях, так и стратегии ведения танковой войны в операциях, увы не осуществившихся на территории наших ожидавшихся противников. В одном из приказов от 1942 г И.Сталин предписывал танкам, участвующим в атаке, вести беглый, не прицельный огонь непрерывно. В данном приказе для осуществления этой тактической задачи было предписано увеличить танковый БК (боекомплект) от штатного в 43 снаряда для 76,2 мм пушки до 100 штук! Это предписание И. Сталина должно было коренным образом изменить психологию и тактику танкистов, руководствующихся неписаным правилом: " Не вижу - не стреляю! "

Но надо было учитывать трудности, возникающие при зарядании орудия, стрельбе из него и выбрасывании стреляных гильз из-за валяющихся под ногами снарядов. Больше их девать в танке некуда. И. Сталина интересовали только сомнительные преимущества, которые может дать дополнительный объем БК, и не волновали затруднения от его увеличения.

Безусловно, И.Сталин был стратегом и представлял будущую войну, как войну танковых армий. Именно в угоду этой стратегии в период с1937 по 1941 гг., возникло насыщение нашей армии танками типа БТ7 - быстроходными танками. Предполагалось, что при боевых действиях на территории ожидаемого

противника, эти быстроходные танки должны были, сбросив гусеницы и используя хорошие дороги Запада, развивать боевой успех от опережающего удара Красной Армии. Как теперь стало очевидным, этого не произошло в самом начале ВОВ, несмотря на почти четырехкратное превосходство в количестве танков Красной Армии над армией Вермахта. Больше половины танков Красной Армии были танки типа БТ, не приспособленные к ведению оборонительных боев [9]...

Однако, это не единственная и даже не главная причина нашего катастрофического поражения в первые дни войны. Как написано в разделе « Так было-2 », главная причина заключалась в том, что солдаты ещё не умели воевать, а офицеры еще не научились командовать. С накоплением боевого опыта ведения танковых боев и увеличением числа усовершенствованных боевых машин в активно действующих частях, Отечественная война все более и более приобретала облик танковой. В последнем своем периоде она стала полностью соответствующей стратегическим замыслам И. Сталина.

Под действие приказа № 302 попал и я, благодаря чему оказался в 143-м запасном стрелковом полку СЗФ - Северо-западного фронта. В задачу запасного полка входило накапливание и формирование групп из разнородных выздоравливающих солдат и офицеров, поступающего нового пополнения и даже из остатков разбитых частей. Такие группы по 12-15 человек формировались по военным специальностям, наскоро обучались и отправляли снова на фронт в соответствующие части: стрелковые, саперные, минометные и пр., кроме танковых. Для танкистов существовали свои запасные полки, которые пока не действовали. Еще не было достаточно танков.

Пока я залечивал свою раненую руку, я был непригоден ни для службы в караульной роте, ни для работы на кухне. Оставалось терпеливо ждать других предложений каких-либо работ. Такое предложение наконец-то появилось. Ночью в казарму батальона выздоравливающих пришел помощник военного коменданта Красного городка, который достаточно громко спросил: " Кто знает радио? ". На этот вопрос я немедленно ответил: " Я знаю! ",

Это не было безответственной похвалой. Я действительно был знаком с радиоаппаратурой, сам собирал радиоприемники и даже был знаком с телевидением того времени (1939 года.) В моей Калуге мы, группа десятиклассников, собрали телевизионный приемник с механической разверткой кадров на неоновом экране 24 x 36 мм². Телепередачи шли из Москвы от радиостанции им. Коминтерна на 3-й волне 1744 м. В нашей группе радиоконструкторов я выполнял работы по конструированию ЭА и изготовлению механической развертки - диска Нипкова. Мы уже в 1939 году смотрели в Калуге телепередачи из Москвы!

Конечно я имел право заявить, что знаю радио. Но, соглашаясь на работу в радиоузле, я не представлял той ответственности, которая с ней будет связана. Прежде всего выяснилось, что мой предшественник был арестован и осужден за то, что пропустил при трансляции в радиосеть сеть Красного городка немецкую агитку. А это в то время было очень легко сделать. Наши московские передатчики не работали, чтобы исключить эффект радионаведения на Москву немецких бомбардировщиков. Работали (а точнее сказать, должны были работать) наши радиостанции, находившиеся на Волге. Главной радиостанцией, вещавшей на СССР, была станция, ведущая передачи из Куйбышева, где была резиденция правительства и большинство резиденций иностранных посольств, сохранивших во время войны дипломатические отношения с СССР.

Но и эта станция меняла свои волны по определенному расписанию, которого я не знал. Значит, надо было следить за эфиром, и во время ловить

Куйбышев (Самару), и не попасться на немецкую пропаганду. Она начиналась с бодрой революционной песни, например: "Варшавяник", или "Марсельезы". После них обычно шла немецкая сводка событий на всех фронтах. Но опасней всего было услышать русские романсы или песни Петра Лещенко про "Чубчик кучерявый..." Эти романсы или песни предшествовали оголтелой Геббельсовской пропаганде. На ней и погорел мой предшественник. Не думаю, что он действовал сознательно. Скорее всего, это была глупая случайность, на которую мог бы попасть и я.

Не успел я освоиться с совершенно мне незнакомой аппаратурой практически без всяких инструкций, как ко мне явились трое контрразведчиков. Один из их предъявил свое удостоверение и приказал выключить трансляцию на городок и настроиться на немецкую передачу о событиях на фронтах военных действий. После чего он приказал мне уйти и помалкивать. Как потом я понял, сравнивая содержание двух передач, (нашей и немецкой.), Немецкая передача очень точно и своевременно сообщала самые свежие сведения о военных действиях, которым можно было доверять. Наша станция сообщала о тех же событиях, но с запаздыванием на 2-3 дня и как бы сквозь зубы. Естественно этим объяснялся интерес контрразведчиков к немецким радиопередачам.

Через некоторое время контрразведчики перестали выгонять меня в коридор и оставляли на радиоузле пока шла радиопередача. Еще через некоторое время вообще перестали меня стесняться и стали обмениваться мнениями в моем присутствии. А дела на фронте шли неважно. Известный перелом в войне произошел во время декабрьских морозов. Думаю, что дело было не только в том, как переносили эти морозы русские и немецкие солдаты. Известно, что русские переносили их легче. Но я хочу привести утверждение танкиста генерала Г.Гудериана [4], которое он сделал в своей известной книге « *Ahthtung tanki* » (Вниманию танки). Гудериан писал, что его танки застыли в эти морозы из-за того, что бензин в их баках превращался в желе. Это было всем известное свойство крекинга бензина, получаемого из бурых углей.

Если заводя автомашину, с этим недостатком бензина довольно легко можно было справиться, то в случае танка этот вопрос был практически неразрешим. Сам я неоднократно заводил танк зимой и знаю, как это трудно. В следующую зимнюю кампанию уже был изобретен "эфирный пистолет", при выстреле из которого разбивалась ампула с эфиром. Если стрелять во всасывающую трубу танка, то танк очень легко заводится. Но при этом безвозвратно теряется определенное количество запаса моточасов мотора.

Вспоминая дни жестоких морозов³⁶, не могу не восхищаться заглавием и содержанием статьи Э. Эренбурга в Правде от 23 декабря 1941 года: "Солнце на лето, зима на мороз! Война на победу!!" Уже только за одну убежденность в нашей победе, которую он вложил в эту статью в те морозы, он заслужил все звания, награды и премии, которые ему были присуждены.

Однажды ко мне на радиоузел пришел только один из контрразведчиков, которого я раньше не видел. Он знал, за чем ко мне ходили другие, и попросил, а не приказал как те предыдущие, сделать для него то же самое, т.е. включить немецкую передачу последних известий. Поскольку он был немногим старше меня по возрасту, я наконец после нескольких его посещений решил задать ему волнующий меня вопрос - почему у него полный рот золотых зубов.

На мое удивление он совершенно спокойно и обстоятельно рассказал мне свою историю. Будучи оперуполномоченным при лагере, обслуживающем большую лесопильную базу при архангельском морском порте, он получил ориентировку из Лондона о том, что в течении некоторого времени от наших

источников стали поступать сведения о происшествиях и о порядках на лесопильной базе. Моего собеседника вызвал непосредственный начальник и приказал найти среди заключенных источник информации. И, как всегда, дал необходимый по его мнению срок для выполнения этого задания,

Источник информации оказался сильно законспирированным и моему собеседнику пришлось докладывать о неудаче при выполнении приказа. В ответ на этот доклад его непосредственный начальник выбил ему зуб, и предупредил, что будет делать это же при каждом докладе о неудаче поиска источника информации. Но время шло, источник информации не обнаруживался, а у моего милого собеседника при каждом докладе выбивали по одному зубу. В то же время из Лондона поступали сообщения о том, что источник работает.

В конце концов в Лондоне были обнаружены доски, на которых были написаны сведения о порядках и нарушениях в лагере заключенных, при архангельской лесопилке. Оказалось, что один, и только один, из заключенных, работавший при погрузке досок в трюме лесовоза, успевал написать на одной из этих досок свое сообщение и потом завалил его другими досками. Конспирация была идеальная. Знал все и исполнял все только один человек. А моему милому собеседнику вставили пять золотых зубов, два сверху и три снизу. Больше он ни о чем не откровенничал,

В начале февраля 1942 года пришло распоряжение демонтировать радиоузел и отправить его в тыл. Такие распоряжения нависли над многими объектами, которые срывали с места, отправляли в тыл, но в глубоком тылу не использовали. Они догнивали на свалках, куда их просто выкидывали после получения, чтобы не нести ответственности за неправильное использование. Эти распоряжения были следствием неуверенности в прочности нашей обороны.

Для меня потеря работы на радиоузле означала, что я получал другое назначение - принять стационарную киноаппаратуру - ТОМП 6, в будке кинозала на 350 человек при клубе Красного городка. Сиденье в будке киномеханика это довольно нудная и очень нервная работа даже во время нормально проходящего киносеанса, которая становится невыносимо мучительной, когда возникают задержки, например, когда рвется пленка, неправильно становится бобина с пленкой, и может возникнуть множество других причин. Реакция зала на них выражается в выкриках: " Сапожник И! "На мыло !!!".

Но страшнее всего замолкший зал. Тогда из него идут волны страха и даже ожидаемой паники, с которыми практически невозможно бороться, кроме как, собрав свои нервы в кулак. Такое чувство пришлось пережить мне, когда во время сеанса внезапно остановилась верхняя подающая бобина. Наблюдая за экраном через специальное окно, я увидел только вспышку пламени на экране. Когда я обернулся к аппаратуре, то понял, что может загореться как верхняя, еще не раскрутившаяся бобина, так и нижняя приемная. Я успел схватить начавшие гореть оба куска пленки -выходящий и входящий, которые догорели в моих руках. Пришлось объявить залу, что по техническим причинам.., А я сидел и думал, что могло бы произойти в битком набитом зале, имеющим только один свободный выход, другой, как обычно бывает в большинстве кинотеатров, был завален мусором.

Кроме нескольких часов нервной нагрузки в дни киносеансов я, работая киномехаником, получил свободный выезд в города, где мог менять кинокартины. Это были города Рыбинск и Ярославль. В них я приобрел много новых знакомых, от которых узнавал все о нашем тыле. Всюду неукоснительно выполнялись указы, подписанные И.Сталиным.

Из всех встреч с мужчинами и женщинами, которые мне встречались в то время, и казались достойными для запоминания, в мою память врезалась одна,

которую я сохраняю до настоящего времени, хотя прошло уже около 60 лет. Все начиналось просто, я должен был заменить кинокартину, надо было перевезти в железном ящике в гор. Рыбинск на кинобазу, производившую обмен. Пользоваться железнодорожным транспортом мне было невозможно: в железном ящике был огнеопасный груз, - киноплёнки.

Приходилось ехать на "перекладных", другими словами пересаживаясь с одной попутной автомашины на другую. Отказов в этом случае ни разу не было. И вот однажды, пересаживаясь с одной попутки на другую, я остановил открытую полторку, из кабины которой вышел офицер, осведомившийся куда, откуда и за чем я еду. Удовлетворившись моими объяснениями, он помог мне затащить мой железный ящик в кузов.

Привыкнув общаться с контрразведчиками, я сразу определил кто он, и думаю, что правильно оценил его служебное положение. Осмотревшись в кузове, я увидел, что в нем лежали три девушки, укрытые плащ палатками. Каждая из палаток была на каком-то меху. Такой роскоши я раньше не видел. Одна из девушек, лежавшая справа по ходу машины, вдруг неожиданно подвинулась, как бы приглашая меня лечь рядом. Я немедленно воспользовался немой приглашением и быстренько устроился на предложенное место на палатке, рассчитывая в скорости залезть под нее. Думаю, что я был достаточно наглым и опытным для такого поступка.

Но то, что со мной произошло в последующий час, я не могу понять. Всего час с небольшим длилось наше общение, я не мог как тогда, так и сейчас, объяснить себе, что же между нами происходило. Первое, что я почувствовал, это было тепло, вливающееся в меня от девичьего тела. Но на волне этого тепла я ощутил какую-то безысходную грусть, а скорее всего тоску о чем - то несбывшемся и ожидание чего - то тяжелого, бесперспективного. Мне показалось, что у двух других девушек, мысли были такими же. Я не мог вступить в разговор, так как неизбежно обнаружилось бы, что я догадывался о возможных причинах: их печали, а может быть даже отчаяния. Мне оставалось только молча переживать свое горячее желание хоть чем-то своим пожертвовать ради облегчения судьбы этих девушек. Но я не был волшебником и потому был бессилен.

Примерно через час с небольшим полуторка остановилась, и офицер вышел из кабины, чтобы помочь мне с железным ящиком. По-моему он был доволен моим молчаливым поведением, ведь я с девушками никаких разговоров не вел. Им я пожелал счастливого пути, на что они промолчали. Та, которая наградила меня своим теплом, передвинулась на мое место, выразив, как мне показалось, этим свое небезразличие к тому, что произошло между нами. С офицером мы обменялись понимающими взглядами. Чему-то можно научиться, общаясь с контрразведчиками.

В моей последующей жизни, даже через десятки лет после этого, почти мистического переживания, я не раз пытался воспроизвести, в памяти, что же тогда происходило. Могу только утверждать, что это было самое чистое, лишённое всякой сексуальности, виртуальное общение с той девушкой. Я смутно помню её профиль на фоне плащ палатки. Ее плотно закрытые, мне показалось замуренные глаза, темные волосы, выбивающиеся из под меховой, командирской ушанки. И это всё. Остальное произошло при бессловесном и бесконтактном воздействии. Конечно, ни слов, ни какого контакта не было. Но почему я более 65 лет вспоминаю эту встречу и ее тепло.

Это святое для меня переживание однажды было опошлено наблюдением за бездарно поставленной съемкой киносюжета, воспроизводившего ту самую ситуацию, которая произошла между мной и той девушкой. Как-то я заехал на киностудию им. М.Горького за светофильтрами и случайно наткнулся на взволновавший меня сюжет. Я увидел грубо сколоченный ящик, отдаленно похожий на кузов автомашины. Ящик был подрессорен и управлялся длинным дышлом. Его периодически качали два ленивых лба, имитируя дорожную тряску. Но самое ужасное для меня было внутри ящика. Внутри него лежали мужик и баба, грубо загримированные, под девушку и юношу. Это была грубая карикатура на то, что для меня было свято. После этого зрелища я несколько лет не мог смотреть кино. Ведь театр показывает, пусть неточно, но правдоподобно, то что в этот момент переживает актер. Кино только изображает давным-давно отзвучавшие страсти, но может их с неизменной точностью в любой наперед заданный момент времени повторять. Результатом моих размышлений было стихотворение.

Грусть, печаль, тоска, уныние -
все это формы отклика души,
меж ними нет заметных изоклиний.
Они ответ, когда нас жизнь крушит.

Когда в осенний теплый вечер,
Вы вдруг услышите старинный вальс,
мелодию его доносит легкий ветер,
невольно грусть опустится на Вас.

Она мелькнет, промчится мимоходом.
Забудется, едва замолкнут звуки, и снова
жизнь пойдет обычным ходом, и нет
причины для сердечной муки.

Печаль исходит из потери, чего-то вдруг
недостает, и лишь когда потерю не
измерить, она в тоску перерастет.

Нет человека без печали, на это он себя
обрек, и если Вы такого повстречали, то это
автомат, никак не человек.

Тоска устойчивей печали.
Тоска, когда что дальше неизвестно, или
потери безвозвратны стали, и вместо них в
душе пустое место.

Когда темны нам перспективы, и наша
жизнь полна прорех, а сладить с ними не
смогли Вы, легко Вам впасть в унынья грех.

12.05.2005 г.

Написав это стихотворение, я наконец-то перестал переживать происшедшее в начале марта 1942 года при въезде в город Рыбинск. Не перестаю удивляться тому, что ведь были у меня очень сильные увлечения, вспыхивающие как отблеск от сгоревшего на нашем горизонте метеорита. Война обостряла чувства и ускоряла события. А возникающую в эти моменты любовь можно объяснить тем, что наш организм, особенно организм мужчины, начинает производить гормон, ~~х~~бнетающий инстинкт самосохранения. Так учит нас психология. Естественно, что вспыхнувшая любовь кончалась с прекращением действия этого гормона в обоих организмах. И лишь однажды мне посчастливилось встретить взаимность, основанную на любви и понимании возможных перспектив ее развития. Безжалостная судьба ставит непреодолимые, и как в данном случае, необратимые условия для существования. Память об этом, как и о случае под Рыбинском я храню в себе.

Недолго продолжалась моя работа киномехаником, на стационарной аппаратуре. Пришло распоряжение ее демонтировать и отправить в тыл, Взамен нее я получил кинопередвижку и приступил к показу киносеансов непосредственно в подразделениях 143 ЗСП, Это была совсем другая работа, нежели один на один в кинобудке с стационарным киноаппаратом. Здесь я находился среди сочувствующих мне, даже друзей. Никто не кричал; "Сапожник!", и все готовы придти на помощь, если я замешкаюсь со склеиванием порвавшейся киноленты.

Все неожиданно для меня изменилось. Мне приказали сдать кинопередвижку и приступить к, совершенно новой для меня работе - к дежурству на коммутаторе. Это было несложное переговорное устройство на 50 номеров, часть из которых вообще не была задействована. Самой сложной в моих обязанностях была передача и прием сводок о движениях численности состава 143 ЗСП... Как поступающего, так и уходящего в действующие части СЗФ (Северо-Западного фронта), в состав которого входил наш запасной полк. Эта и прочие тайны, предавались зашифрованным текстом. Потом я догадался, что мое новое назначение было связано с тем, что я был принят в ВКП(б) во второй раз, поскольку моя первая анкета и решение партийной организации сгорели при бомбежке штаба 28 тд. Первоначально я не знал чем себя занять во время дежурства, Смена каждого из нас троих длилась по 8 часов. Потом я увлекся подслушиванием. Это было действительно увлекательное занятие, когда пытаешься вникнуть в психологию говорящих, представить их темпераменты и ожидаемые реакции. У меня появились любимые абоненты, расписания их разговоров и тематику я мог бы предсказать. В конце концов это занятие мне надоело.

Однажды, прослушивая фон от немецких трофейных полевых телефонов, я обнаружил микрофонный эффект, заключающийся в том, что микрофон постоянно транслировал все звуки, возникающие в помещении. В мои обязанности входило осуществление контроля, за работоспособным состоянием телефонных аппаратов абонентов. Во время такой проверки я установил наличие микрофонного эффекта в одном из таких трофейных аппаратов стоящих в помещении контрразведки СМЕРШ.

Подключаясь по ночам к этой линии, днем было слишком много работы, я узнавал так много интересного, что стал сам проситься на ночные дежурства. Меня интересовали инструктажи проводимые для внедряемых в группы, которые из 143 ЗСП отправлялись в действующие части. Как собирать сведения, как вести агитацию, как вербовать информаторов, как проводить "шмон" и множество других полезных в практической жизни сведений. Большая часть из которых послужила мне на пользу на всю оставшуюся жизнь. Например, когда я ездил в турпоездку, как руководитель группы туристов или как простой турист, я прекрасно знал, кто приставлен к нашей группе в качестве наблюдателя. Но, ни в то время, ни когда-либо после, я ни с кем не делился своими наблюдениями. Даже со своим родным сыном, который был офицером КГБ. Что ему надо знать, ему расскажут по службе.

Мое подслушивание должно было в конце концов кончиться плохо. В тот последний раз в три часа ночи позвонил "третий" т.е. командир полка. А у меня был принят такой порядок - никогда не отключаться от подслушивания пока идет собеседование или интересующий меня инструктаж. Сигнал возникающий при подключении к подслушиванию в четыре раза слабее сигнала от отключения. Короче, не ответить на звонок командира полка я посчитал худшим злом, нежели щелчок в микрофоне в помещении контрразведки. Поэтому я решил ответить командиру полка, а там, в контрразведке, я надеялся, что пронесет. Не пронесло!

Через 15 минут за мной явилась контрразведка. Меня отвели к самому главному, который долго допытывался, кто меня подучил, в какой группе я состою, кому передаю сведения и пр. Конечно я все отрицал. Но мне пришла мысль "ударить по банку". Я сказал: "У Вас есть наблюдатель за нашей группой. Спросите у него с кем я общался за последнее время". Вероятно, это мое заявление сильно его озадачило. Больше вопросов не было. Он только произнес известную мне по предыдущему шаблонную фразу: "Пока идите!". Он направил

меня не на полковую губу, а в городскую тюрьму Вышнего Волочка. Вероятно, чтобы исключить все возможные контакты с моим окружением.

По пути в тюрьму я вспоминал все правила "приличного" поведения, которым меня обучали подследственные из отделения испытуемых в калужской психбольнице. Первое, что я тогда узнал от них - "от тюрьмы и от сумы не отрещивайся!" Как вести себя с тюремной аристократией - с "паханами" и "авторитетами". Как, упаси Боже, не налететь на "опущенного". Что собой представляет "прописка", и каких каверз при этом следует ожидать. Каких матерных слов в тюрьме не рекомендуется произносить. И множество других полезных сведений об изысканном поведении в тюрьме. Но все эти правила мне не понадобились.

Меня отвели в городскую тюрьму и посадили в КПЗ (камеру предварительного заключения), как подследственного. Это была довольно большая камера, на 30-35 м², с двухэтажными нарами и деревянной парашей. Нашу камеру населяли 15 - 20 человек, которые постоянно менялись. Одних переводили в тюрьму, значит, они уже получили срок, других возможно выпускали. В этой группе были гражданские, с которыми у меня не было охоты общаться. Были и военные, с ними я даже не успевал познакомиться. Танкистов среди них не было. Мне оставалось ждать разговора со следователем, если на меня уже успели, завести дело. Оставалось просто ждать. Но время шло, а обо мне так никто и не вспоминал.

Однако без дела сидеть нам не давали. Ежедневно всю группу подследственных гоняли на стекольный завод пилить дрова для стекловарочных печей, которые потребляли очень много топлива. На заводе мы пользовались полной свободой. Нас только приводили и уводили под конвоем. Некоторые убегали на рынок, рискуя нарваться на патрулей. Меня больше интересовала технология варки стекла и, в особенности, получения рубинового стекла, любовь к которому у меня осталась на всю жизнь.

Мы, военная часть группы, обратили внимание на то, что нас конвоировали совсем молодые, только что призванные, солдаты и если во время конвоирования по городу нам встречалось достаточное количество зрителей, то для них разыгрывалась следующая сценка. Один из нас кидался на землю с криком: "Расстреливайте здесь! Куда Вы меня ведете...". Он рвал на себе гимнастерку, изображая полное отчаяние. Мы должны были стоять с скорбными лицами, как тоже обреченные на казнь. Самое интересное было наблюдать реакцию конвоира.

Он, не зная куда деть винтовку, оружие конвоиру класть на землю нельзя, пытался одной рукой поднять лежащего на земле "обреченного" на расстрел. Обычно зрители из горожан с ужасом наблюдали эту сценку. Наконец вся группа скорбным, как на похоронах, шагом удалялась, усиливая этим произведенное впечатление.

Как и всякий уважающий себя заключенный, я завел, на стене календарик, на котором каждый вечер отмечал прошедшие сутки. К следователю меня так и не вызвали. По прошествии девятнадцати дней в КПЗ явился ухмыляющийся надзиратель, который объявил мне, что для меня у него две весточки: одна хорошая - он должен дать мне под зад коленкой. Другая похуже, пока я пилил дрова на стекольном заводе, наш 143 ЗСП перебазировался в глубокий тыл, ориентировочно в район городка Красный Холм. Туда я и должен отбыть после предыдущей процедуры. Это означало, что я не был забыт. Я был на учете.

Мое возвращение в 143 ЗСП означало для меня не только конец тому калейдоскопу назначений и выполнения различных работ, но и определенное сковывание моей свободы. Я пользовался ей в весьма широких пределах на

сколько позволяли окружающие условия, и чего я мог достигнуть за счет собственной изворотливости. Но я вступил в партию, вступил добровольно и осознанно. Я понимал, какие ограничения это на меня налагает. Прежде всего тем, что мое будущее уже было кем-то обдумано и predetermined. Первого октября 1942 года я должен был явиться в Военно-политическое училище СЗФ, находившееся на станции Куженкино. В этом училище осуществлялось ускоренное, трехмесячное обучение заместителей командиров рот по политической части. Оно давало первое офицерское звание -- лейтенант. Я пребывал в запасном полку и до отбытия в училище, как партийный человек, был прикомандирован к редакции районной газеты. Не помню сейчас даже ее названия. Для нее я должен был ежедневно поставлять передовицы, Не надо думать, что я сам их писал. Ежедневно по утрам я записывал с радио их содержание. Одна и та же передовица, одинаковая во всех газетах страны. И, упаси Боже, исказить в ее тексте хотя бы одно слово. Именно я нес за это партийную ответственность!

Как и было определено приказом я 01.10.1942 г. явился в Военно-политическое училище СЗФ, ускоренно за три месяца готовящее заместителей командиров рот. Конечно порядки в нем были не как в учебном батальоне.

Нас не мучили строевой подготовкой, хотя раз в неделю нам пару часов приходилось ходить торжественным шагом мимо одного из младших командиров, изображавшего принимающего парад,

Главной формой нашей политической подготовки были лекции, которые я вспоминаю с удовольствием. Нам их читали приезжавшие из Москвы лекторы высочайшего уровня, Например, академик Тарле, читавший нам лекции о Наполеоне и связанной с его именем Отечественной войне 1812 г, До сих пор вспоминаю лекции академика Грековой по истории Государства Российского и многих других лекторов. Несмотря на всеобщее уклонение в урапатриотизм, бывшее основной тенденцией мировоззрения того времени, мы получали вполне добротные сведения о нашей истории и действующих в ней ключевых фигурах - Петре Первом, Александре Невском и пр.

Этого я не могу сказать по поводу нашей политической подготовки, Мы, как заместители командиров рот, должны были непосредственно контактировать с солдатами, идущими в бой. Не боюсь сказать по этому случаю, громкие слова " с идущими на смерть Ни один из ведущих политработников, вплоть до членов военного совета армии, читали нам и такие, не произнес убедительных и правдивых слов, которые могли бы быть произнесены в такие критические минуты, Все, что я услышал от них по этому поводу, можно назвать словесной шелухой.

43

Я ожидал так же услышать наставления о немецкой технике связи, о телефонах и радиоприемниках, а так же о немецком трофейном оружии и боеприпасах: бронебойных и трассирующих патронах, о минах и снарядах. Но все было глухо. Такое оружие, боеприпасы и военная техника могут появиться лишь в наступающей армии, А пока был только 1942 г. Наша армия вела в основном оборонительные бои. Но ведь нас готовили к широкому наступлению на всех фронтах, о чем нам твердили постоянно. Такие сведения были у наших разведорганов. Я это хорошо знал, вспоминая нашу подготовку к захвату Тильзита. Об этом я написал в разделе " Так было -1."

Но больше всего меня возмущала наша тактическая подготовка, основанная на Полевом уставе и других устаревших документах. Проводили эти занятия командиры, не побывавшие в боях или хотя бы под штурмовкой немецкими самолетами. Это было видно из содержания тех занятий, которые они проводили. Особенно меня возмущали учебные военные игры на занятиях по

тактике. И я решил их игнорировать, симулируя различные заболевания от боли в желудке до головокружения. Главное при этом " не пережать ".

Освобождения при этом нам, симулянтам, давали охотно. Но оно не давало права отсутствовать при проведении очередной военной игры. Нас переводили в категорию обороняющихся или даже условных " врагов". Сажали в кем-то ранее вырытые окопы, из которых мы должны были забрасывать наступающих, красных или синих, как вздумается руководителю учений, взрывпакетами. Это сама по себе практически не очень опасная вещь, но если попадет в физиономию, то возможны осложнения. Для тех, кто участвовал впервые, взрыв был неожиданным и малоприятным. Обычно я целил по ногам.

От наступающей стороны требовалось во время атаки на бегу кричать какие-либо патриотические слова или призывы. Матерные слова, выкрикивать запрещалось. Мне лично пару раз приходилось участвовать и даже руководить атакой пехотного подразделения и однажды даже казаков, но других слов я в это время не слышал. Именно это была еще одна из причин, по которой я игнорировал военные игры.

Во время танковой атаки как по внутренней связи, так и по радио, кроме команд ничего, не произносится. Никаких слов, будь они даже весьма патриотическими, изрекать нельзя. Второй причиной было то, что все эти игры проходили по давно устаревшим уставам. А ведь война шла уже второй год!

Редко, но бывали исключения, об одном из которых я с удовольствием вспоминаю. В начале декабря 1942 года зима выдалась на редкость благоприятной для проведения зимних учений. Я уже прочно стал на лыжи и мог продемонстрировать различные стили бега на лыжах. Тему занятий , я сейчас не могу четко сформулировать, но смысл ее был такой: надо было пролежать в ночном дозоре на снегу, не разжигая огня, восемь часов, т.е. до следующей смены дозора. Нарубить лапника для подстилки и устроить укрытие, проблем не было. Проблема возникла после, когда я узнал, что приехала Клавдия Шульженко, которая должна выступать, когда я буду в дозоре.

Вопрос о возможности моей замены полностью отпадал. Нашему командиру я предложил следующий вариант. Я вместе со всеми готовлю укрытие, потом встаю на лыжи и бегом в клуб. До Училища было около 13-ти км, слушаю концерт и потом на лыжах возвращаюсь обратно в дозор. "И чтоб до 24.00 был как штык!", так сказал командир. Лыжня была хорошо накатана, и я эту дистанцию прошел меньше, чем за полтора часа.

Вообще концерты знаменитостей⁴⁴ в Куженкине не были редкостью. Заезжали великолепные голоса из Большого. Бывали великие драматические артисты из Малого, Художественного и других театров. Но ведь это была Шульженко, песнями которой мы бредили. В предвкушении наслаждения я про себя вспоминал мелодии романсов: "Руки", "Письма", "Платочек" и много, много других. Считаю сейчас и считал в то время, что лишь немногие артисты, в первую очередь А.Вертинский и К. Шульженко, песнями сделали каждый свою эпоху, все остальные были и остаются однодневками.

Войдя в переполненный зал, я с трудом нашел себе место, и отключился, Вокруг меня уже ни кого не было. На мое счастье в зале появился дежурный, который должен был тушить свет. Это был знакомый мне осветитель, который сказал, что если я посижу смирно и подожду, то через сцену должна пройти Шульженко из артистической уборной в умывальник. Посмотрев на свои наручные часы, я решил ждать. И действительно она прошла туда и обратно в каком-то стареньком платьице, в стоптанных, как мне показалось, туфлях и еще с

каким-то кремом на лице, Идя обратно, она обратила внимание на зал и на единственного в нем зрителя, но ни каких чувств по этому поводу не выразила, И даже "не сделала мне ручкой", а ведь понимала, что в зале сидит ее горячий поклонник.

На обратном пути, который я прошел почти ночью в полной темноте, луна была маленькая, или ее почти не было, я задумался, чем же меня обогатило неудачное посещение этого концерта. И я решил, что действительно стал богаче. Обучаясь в МВТУ им. Э. Баумана, я много раз бывал на концертах К. Шульженко и восхищался ею. Но всегда при этом думал - немногие могут похвастаться тем, что видели ее так, как видел ее я.

Подшло время выпуска, середина января 1943 г. Несмотря на секретность приказа о присвоении нам офицерских званий, все давным-давно знали, какое кто звание получит. Признаться я был достаточно удивлен, узнав, что четверым из выпуска, в том числе и мне, было присвоено звание старшего лейтенанта. Потом я разобрался, общего у нас было то, что мы уже принимали участие в боях, и получили при этом ранения. Пять человек весьма тупых, но шибко партийных, получили звания младший лейтенант.

К выпуску нас приодели в офицерское обмундирование от сапог до офицерских шинелей. Некоторые получили даже не галифе, а входившие в моду бриджи. Что для меня оказалось неожиданностью при зачитании приказа, так это то, что мне предоставлялся недельный отпуск. Мне предстояло выбрать, ехать в Уфу, где бы госпиталь для тяжелораненых, которым командовал мой отец или в мою родную Калугу. Я выбрал Калугу, надеясь разыскать то немногое, что осталось после пожара и разграбления моего родного дома.

Нашу 28 тд сняли с фронта для расформирования в сентябре 1941 г. поскольку боеспособных танков в ней уже не было. В начале ВОВ, в 28 тд насчитывалось более 11 тысяч человек. На последнем сентябрьском построении присутствовало 812 человек! Я не могу утверждать, что все остальные люди из состава дивизии погибли, находились в госпиталях, как например я, или пропали без вести. Но анализируя опыт боевых действий, могу оценить безвозвратные потери дивизии. Они составили не менее 2/3 от числа отсутствовавших на последнем построении, не менее 7000 (семи тысяч) человек.

Окончательно 28 тд потеряла свой номер (значит была расформирована) в декабре 1941 г и стала 241 стрелковой дивизией. Приказ о расформировании и о присвоении ей нового названия зачитывал И.Д. Черняховский. Танков и боеспособных танковых экипажей в это время в стране не было!

45

Явившись в политотдел 16-й армии СЗФ, я неожиданно для себя получил назначение в какую-то, сейчас не вспомню ее номер, стрелковую дивизию. Это был удар "под дых" всем моим планам воевать в танковом полку. Я пробовал осторожно, в пределах партийной дисциплины, поднять вопрос о приказах Сталина по этому поводу, но тщетно. Меня пытались утешить тем, что это была гвардейская часть

— одна из первых, получившая такое почетное звание. Служить в такой военной части, как меня уверяли в политуправлении, не только почетно, но и выгодно. Оклады в гвардейских частях в полтора раза выше, нежели в обычных. Оставалось одно — ехать в полк и служить в нем.

Полк стоял в болоте не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Наши палатки стояли на земле где-то вынутой и насыпанной под ними. Начался февраль, и все потекло. Основной контингент состоял из недавно призванных и

еще необстрелянных солдат. И это — основная проблема, с которой я ожидал столкнуться в первой же боевой операции.

А пока мы дружно боролись с трудностями проживания на болоте. Гнали березовый деготь из бересты, чтобы пропитать им сапоги. Устраивали специальные печи, чтобы сушить одежду и не сжечь её при этом, и многое другое, чем мы были постоянно заняты. Из-за распутицы ухудшилось и без того плохое снабжение. Начали есть лошадей, которых в пехотном полку было достаточно.

Именно в это время я познакомился со стихами К.Симонова. Отрывки из его сборника "С тобой и без тебя" нам присылали в письмах. Мы ими обменивались, переписывая друг у друга. Читали, заучивали наизусть самое заветное, вошедшее в душу, А души наши жаждали лирики в любом ее проявлении. Будь то песни, стихи, декламация или просто проникновенный разговор. Но ни разу за всю войну мне не приходилось слышать песен под гитару. Для военных условий гитара была слишком хрупким музыкальным инструментом. То что пение под гитару фигурирует во многих фильмах " про войну", это лажа, Хотя многие песни из этих фильмов очень точно соответствуют психологии того времени, Баяны и аккордеоны (трофейные) на войне были,

В болоте, где мы обитали, мне захотелось научиться писать стихи. Сначала хотел только писать хорошо, проникновенно. Потом захотелось признания, которое было очень легко заработать, согласившись писать на заданную политорганами тему в духе ура- патриотизма. Понятно, что с этими требованиями редакций у меня ничего не получилось. И я стал писать в полевую сумку, которая сгорела в танке.

Но однажды все круто изменилось. Видимо, кто-то вспомнил давно известный приказ И. Сталина об использовании танкистов только в танковых частях, и меня отозвали из пехотного полка и направили в резерв СЗФ. Резерв означал постоянное ожидание того, что кого-то в действующих частях убьют или ранят, и если ты по-твоему ВУСу (военно учетной специальности) подходишь, то должен немедленно занять эту должность. Это весьма нудный и очень неопределенный по своим результатам процесс. Главная неопределенность заключается в том, что неизвестно в какой части откроется вакансия.

Можно было попасть в воюющее подразделение и даже в гвардейскую часть, на что большинство и надеялось. Можно было попасть и в часть стоящую в долговременной обороне, чего все в душе опасались. Права выбора не было, пришла заявка - получай направление и ⁴⁶разыскивай свою новую часть.

Все предыдущие заслуги - по выслуге лет, при представлении к следующему званию, представлению к наградам, даже если они были в прежнем полку, больше не существовали. Все приходится начинать снова. Само пребывание в резерве является нудной процедурой. Офицеры валяются на койках, травят старые анекдоты, дежурят на кухне, где работают гражданские поварахи. Изредка приезжали дежурные лекторы, от которых пребывающие в резерве офицеры узнавали о происходящих событиях и положении на фронтах. Радио тогда не было. Выходить в ближайший городок - Особин, находившийся в 8 км от резерва, запрещалось. Этот запрет был основан на возможности повального пьянства, всегда возникающего в условиях абсолютного безделья и нечетких перспектив. Возможность напиться всегда имелась. Местное население обычно изготовляло различные суррогаты спиртного. Они шли как за деньги, так и за табак, входивший в перечень офицерского обязательного довольствия. В крайних случаях расплачивались обмундированием. Война все спешит!

Оставалось играть в шахматы, в которые я играю плохо и не люблю это

занятие, или играть в шашки. В основном в резерве в шашки играли в глупейшую игру - " в Чапая ". Промаявшись таким образом дней десять, я по совету врача придумал себе сильную зубную боль. Но на эту уловку начальник резерва не купился, однако он сообщил мне: " По глубокому секрету , что вскоре на нашем участке фронта начнутся серьезные боевые действия, в ходе которых будут большие потери командного состава и тогда, Бог даст, и тебе в танковой части освободится местечко!. А пока ни-ни! "...

Как часто случалось в моей жизни, произошло событие, дающее мне выход из создавшегося положения. Явившись утром в помещение штаба, начальник резерва обнаружил на печи спящего гражданского мужчину. На вопросы, как он попал в штаб, он давал путанные ответы и пытался убежать. Все проводившие допрос работники штаба, единодушно решили, что это шпион. Непонятно было только, как этот шпион попал в помещение штаба. Этим вопросом ни кто не интересовался.

И тут начальник резерва вспомнил о моем желании посетить Особин. Он предложил мне отконвоировать задержанного в комендатуру Особина. Приказать мне он не мог. По Уставу он был обязан обратиться в соседнюю часть и вызвать оттуда конвоиров. Мне уже неудобно было отказываться от такого предложения, поскольку я сам просился в Особин. Я с легким сердцем согласился отвести "шпиона" в комендатуру, растегнув, как и положено по Уставу, кобуру пистолета.

Мой конвоируемый был довольно щуплым мужичком лет 45 - 50, одетым в худенький пиджак и зимнюю шапку, поскольку был конец марта. Немедленно после того как я вывел его на дорогу к соседней деревне, он лег на землю. Мне оставалось только вынуть из кобуры ТТ и стукнуть его по затылку рукояткой пистолета. Это помогло, но не на долго. Через 10-15 шагов он снова улегся, и мне снова пришлось бить его рукояткой ТТ. Поскольку для выполнения этой операции мне каждый раз приходилось нагибаться, я решил вернуться в штаб и потребовать автомат ППД с диском. Получив пару раз прикладом автомата по горбу, конвоируемый перестал ложиться на землю. Но начал совершать броски в сторону от дороги. Пришлось прекратить и эту его забаву короткой очередью из автомата над его головой. Мне показалось, что эта очередь его немного образумила, Побег от дороги прекратились.

Мы в молчании продвигались в направлении к соседней деревне в течении минут 40. Изредка я покрикивал: "Встать", "Вернуться на дорогу эти команды конечно нельзя считать разговором. Поскольку я был воспитан в психиатрической больнице, то у меня возник естественный для данной ситуации вопрос, Является ли мой конвоируемый шпионом, симулирующим сумасшествие? А может быть он действительно настоящий шизофреник?⁴⁷Других форм симуляции психического заболевания, к которым обычно прибегают подследственные, я в нем не заметил. Например эпилептических припадков или кататонического ступора и пр.. И вот, когда он разговорился, у меня появилась возможность более глубоко разобраться в его психике.

Он изъяснялся большей частью на хорошем русском языке, иногда употребляя иностранные слова, скорее всего литовские, к которым я уже привык, проходя службу в Прибалтике. При этом он нес, как говорят "околесицу ". Это были обрывки цитат из передовиц, которые можно было узнать по надоевшим газетным оборотам. Иногда он молился, крестясь по-православному, не снимая зимней шапки. В чем я его немедленно упрекнул. Читал стихотворения, сопровождая их артистическими жестами и соответствующей мимикой из репертуара провинциального театра. В общем это была картина типичного для шизофрении состояния, носящего название - Fuga idearum, - Пляска идей.

Синдром весьма характерный для "махровой" шизофрении. В разговорах и в спорах по различным вопросам, от текущей политики СССР до немецкой классической философии, конечно Канта и Гегеля. Когда мы подошли к соседней деревне, и до неё оставалось метров 50 - 70, поведение конвоируемого резко изменилось, из довольно смирного, он внезапно стал резко агрессивным. Он начал собирать с земли крупные ледышки, и даже камни, и швырять их в меня. Надо отметить, что швырял он довольно метко, и несколько раз мне приходилось увертываться от летящего камня. Расстояние между нами было около 5 метров, и попасть в меня было не трудно. А что мне было делать?! Не стрелять же в него!

Все это происходило в тылу, где действовали законы мирного времени. В конце концов, мне стало казаться, что и он понимал создавшееся для меня осложнение. Следовательно, мои предварительные заключения о его психической невменяемости были ошибочны тем более, что он пару раз ухитрился попасть мне в физиономию. Но я хорошо представлял процедуру, которая могла бы возникнуть, если бы я его пристрелил без свидетелей нападения на конвоира, т.е. на меня. Передвигаясь описанным образом, мы наконец вошли в деревню, в которой обстановка изменилась не в мою пользу. Дело в том, что вдоль деревни шли деревянные столбы с проводами. Перебегая от одного к другому и прячась за эти столбы, мой шпион ухитрился бросать в меня довольно тяжелые камни. Но деревня была пуста. Свидетелей, могущих подтвердить нападение на конвоира, вокруг не было. Таким образом, все возможности для продолжения игры "в прятки" оставались за шпионом. Что мне было делать! Ждать пока он уgomонится!?

До комендатуры оставалось километров 5, а помощи ждать не от кого. И тут я вспомнил, как изменилось поведение моего шпиона после очереди из автомата над его головой. Она его сильно напугала. Мои обычные слова и команды на него практически не действовали. Надо было попробовать снова его припугнуть. К этой мысли я пришел окончательно, когда увидел двух военных,двигающихся вдоль деревни в моем направлении. Дождавшись, когда они подошли достаточно близко, а мой шпион, бросив в меня очередной камень, спрятался за столб, я дал короткую очередь, целясь в середину столба. Эффект от нее был совершенно неожиданным. Шпион упал за столбом, как подкошенный. Я не бросился к нему, чтобы выяснить, что же произошло. Я не мог попасть в него, поскольку целился в столб.

Для меня было важно не упустить свидетелей происшедшего. Поэтому я кинулся к ним, объясняя на бегу сложившуюся ситуацию. Это был майор с своим солдатом. Майор сочувственно выслушивал мои объяснения и вдруг внезапно стал бледнеть. Заметив это, я даже прекратил объяснения вдруг почувствовав, что кто-то держится за мою левую руку, в которой был автомат. Обернувшись, я увидел моего шпиона, который сказал только: «Дай закурить!»; после чего он стал объяснять, что он ранен. Это было совершенно невероятно, я не мог промахнуться на таком расстоянии даже из самого непристреляного автомата. Вместе с солдатом я снял с моего шпиона пиджак и я увидел острую щепку от столба. Видимо ее отколола очередь из автомата. Именно эта щепка и повредила левое предплечье шпиона, Крови было немного.

Поскольку инцидент был исчерпан, я распрощался с офицером и солдатом, узнав как короче пройти к комендатуре. Анализируя происшедшее, я сделал окончательное заключение - мой шпион не симулянт, а настоящий шизофреник, Главный симптом в данном случае была неадекватность реакции на внешнее возбуждение, Поэтому я перестал реагировать на все его высказывания и выходки и молча шел вслед за ним,

Придя в Особин, мой конвоируемый сказал, что хочет есть, а для того чтобы купить пирожок, ему надо продать свои штаны, которых у него двое. Ожидая, что он снимет наружные штаны, я несколько отвлекся и стал выяснять где комендатура. Выясняя это, я услышал громкий хохот, а вернувшись к своему шпиону, оказался в кругу людей, потешавшихся наблюдая, как он снимал с себя все штаны, поскольку продавать он собрался именно те, которые были внутри. Поняв причину хохота и предположив, что мне далее придется вести полууголого мужика в комендатуру, я поднял автомат и дал длинную очередь в небо, расстреляв половину диска. Довольно быстро на эти выстрелы прибежал дежурный патруль, с которым я и доставил своего шпиона в комендатуру. Получив соответствующую расписку, я мог бы конечно оставшееся время провести в городке, но уже не было на это желания. Я вернулся в резерв и отсыпался там почти два дня.

Мне пришлось ждать назначения в танковый полк недолго. Я попал в изрядно потрепанное подразделение, воевавшее на танках Т-70, на должность заместителя командира танковой роты. Я даже не успел познакомиться с командиром полка, номера которого я сейчас не помню. Именно в это время полк получил приказ о захвате склада боеприпасов и мне, как говорится "с хода", пришлось сесть в легкий танк Т-70 и принять непосредственное участие в маршеброске и в последующем захвате склада, который оказался довольно большим. По приказу командира подразделения танки распределились по отдельным просекам в лесу, вдоль которых стояли пирамиды ящиков с снарядами.

Продвигаясь на танке вдоль одной из этих аллей, я увидел группу разбежавшихся при появлении моего танка безоружных людей в гражданской одежде. Решил, что это обслуживающие склад наши военнопленные, и потому не стал их обстреливать. Остановив танк, я подошел к круговой формы палатке и, войдя в нее, обратил внимание на весьма чисто убранные постели и множество всяческих туалетных принадлежностей и прочего барахла. Обменявшись мнением с моим механиком-водителем, я решил, что это были наши бывшие военнопленные, но перешедшие на службу к немцам, т.е. предатели.

Укрепившись в этом своем мнении, я стал думать, как бы мне их достать. Осматривая аллею через командирскую панораму, я увидел, что те самые люди залегли за стволами деревьев и наблюдали за мной. Поняв, что это враги я стал придумывать способ как бы их "прищучить". Стрелять из пулемета было бесполезно, стволы деревьев были достаточно толстыми, а стрелять из пушки, хотя бы картечью, опасно. От разрыва снаряда мог сметанить весь склад боеприпасов. Так без единого выстрела и без всякого противодействия, прочесав насквозь весь склад боеприпасов, мы выехали к пункту сбора, который немедленно начали обстреливать немцы. ⁴⁹

При первом же обстреле нашей группы я был ранен осколком в голову около правого уха и тяжело контужен. В результате этого ранения я попал в госпиталь для контуженных, где мне поставили диагноз: "Pti mal" - кратковременные головокружения. Это прежде всего означало, что мне нельзя водить машину и ряд других ограничений. На заседании ВКК (Врачебной контрольной комиссии) я посчитал себя абсолютно здоровым и в марте 1944 года добился на направления в 184-й танковый полк, воевавший сначала на СЗФ, а впоследствии на 1-ом Белорусском фронте. Этим фронтом командовал К.К.Рокоссовский.

ТАК БЫЛО - 4

Содержание этого раздела целиком связано с войной. Те ее эпизоды, которые в нем будут описаны, происходили с реальными, активно действовавшими в то время людьми. Фамилии, которые в нем упомянуты, принадлежат людям лично мне знакомым, с которыми я был связан по службе, либо близко общался, а с некоторыми — дружил. Ряд боевых эпизодов и событий, которые будут здесь описаны, могут показаться недопустимыми с позиций морали и психологии современного общества. Но так тогда было! Отдельный вопрос касается моей роли в событиях, наблюдать которые, а в ряде случаев и активно участвовать, совершались именно так как здесь описано. Я наблюдал первые дни войны и активно участвовал в ее последних днях. Мне чрезвычайно редко приходилось видеть поступки, которые можно квалифицировать, как проявление героизма. С моей точки зрения все они были лишь честным и ответственным выполнением своих обязанностей, даже когда они совершались в критических условиях.

Точно так же я расцениваю свои поступки, которые был обязан совершить, руководствуясь не приказами сверху, а только своей совестью и присягой.

ВОЙНА КАК ОНА БЫЛА

Укомплектованный танками Т-34, 184-й линейный танковый полк, в который я получил назначение, был полком прорыва и являлся личным резервом командующего фронтом К.К.Рокоссовского. Никаких привилегий это предназначение полку не давало. Полк был обязан делать прорыв на определенном участке фронта для тех частей, которые потом в этот прорыв входили. А сам полк после прорыва ехал на переформирование либо в г. Горький, либо в ТТВЛ (Тульский танковый военный лагерь). Обычно после прорыва в полку оставалось не более 50-40 % боевых машин, которые передавались частям, остающимся на линии фронта. Конечно без экипажей. Командование полка считало чрезвычайно важным сохранить участвовавший в боях личный состав.



К.К. Рокоссовский

54
Когда я доложил командиру полка, на какую должность я прибыл, то это мое сообщение не произвело на него никакого впечатления. Пришлось рассказать, что я служил в танковой дивизии И.Д.Черняховского, в составе с которой и встретил первые дни войны. Мой рассказ изменил отношение ко мне командира полка. Он с интересом выслушал мою информацию о боях 28-й танковой дивизии в Литве в самые первые дни войны и о моем участии в бою за Кирилловский монастырь. В конце концов командир полка сказал, что не любит бездельников, подразумевая при этом именно заместителей командиров рот по политчасти. В конце этой беседы он предложил мне перейти на работу в штаб полка, на должность 3-го заместителя начальника штаба. Я знал, что это невозможно, но был польщен предложением. С политработы не отпускают!

В заключение он предупредил, что будет использовать меня в качестве офицера связи. В это время наш полк готовился делать прорыв для кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора В.В.Крюкова.

По приказу командира полка я был прикомандирован к штабу этой дивизии как офицер связи.

Важно было с самого начала завести доверительные отношения с командным составом дивизии и, в первую очередь, с офицерами штаба полка, к которому я был прикомандирован. Конечно меня сразу начали разыгрывать. В свою очередь я решил подыгрывать им тоже. Например, когда меня обязали надеть на сапоги шпоры, все казаки ходили со шпорами, то мой вопрос — надо ли их снимать, когда идешь в туалет, вызвал бурю восторга... Были шутки относительно ношения шашки во время моего дежурства в штабе. Для убедительности все офицеры штаба надели шашки, хотя, как я успел заметить, до этого они не носили шашек. Это действительно выглядело очень смешно — танкист в танковом шлеме и с шашкой. Конечно, я ее немедленно вытащил из ножен и, выйдя из штаба, довольно ловко срубил первый попавшийся куст. После этого я объявил, что шашка тупая и пожелал ее немедленно наточить. " Где тут у вас точило? ". Этой моей шутки в штабе уже не могли спокойно перенести — для казака оружие святыня. После этого все шуточки в мой адрес прекратились.

По сведениям, полученным в этом штабе, кавалерийская дивизия готовилась к глубокому рейду по брянским лесам, имея целью перерезать железную дорогу между Брянском и Смоленском. Для казаков выполнение марша, пусть даже по непроходимым лесам, не представляло серьезных затруднений. Для них лошади были только средством доставки к передовой. В боях они участвовали как обычная пехота, оставляя лошадей и все свои повозки с барахлом в 4 - 5 км от передовой на попечение коноводов. Всякие рассказы о казачьих атаках с шашками наголо во время Великой Отечественной войны — наглая ложь!

Я доложил командиру полка о том, как готовится к предполагаемому глубокому рейду кавалерийская дивизия, о тактических возможностях казачьих подразделений в условиях практически абсолютного бездорожья, а также и о настроениях у казаков перед рейдом. В свою очередь командир полка сообщил мне для передачи в штабе дивизии, что по решению командования армии часть танкового полка войдет в прорыв, и после совершения его будет сопровождать конников и даже участвовать в захвате станции Жуковка — центральной станции на этой железной дороге.

Через несколько дней после наших контактов с казаками, в наш танковый полк приехал командующий 1-м Белорусским (Брянским) фронтом К.К.Рокоссовский, чтобы лично огласить приказ о прорыве нашим полком немецкой обороны. Для этого в землянке был собран командный состав личного резерва командующего фронтом. В ходе беседы после оглашения приказа командующий рассказал об особенностях предстоящего прорыва и будущего рейда в глубокий тыл врага. Я сейчас могу вспомнить только о двух главных особенностях планируемого прорыва и рейда.

Первая — касалась конструкции моста, по которому пойдут танки, делающие прорыв. Чтобы исключить разрушение моста при возможной бомбежке немецкими самолетами, саперы должны были сделать его подводным, а значит невидимым с самолета.

Вторая - особенность заключалась в том, что наша группа будет совершенно автономной, т.е. помощи нам никто не окажет. Были и другие особенности рейда, о которых я очень смутно помню, кроме того, что держать радиосвязь нам было запрещено, чтобы не обнаруживать расположения группы.

В конце встречи, командующий фронтом вышел из землянки, и с каждым из выходящих из землянки офицеров попрощался за руку, произнося при этом несколько теплых слов, обращаясь непосредственно к нему. В последней

группе вместе с работниками нашего штаба вышел и я, и мне тоже досталось рукопожатие командующего, но слов его я не расслышал, поскольку переживал приказ командира полка: «Пойдешь с группой танков в прорыв как офицер связи!»

Прорыв прошел практически незаметно, без обычной перед прорывом сильной артиллерийской подготовки. После входа в прорыв наших танков он закрылся, а наша группа танков без сопротивления противника вступила в брянский лес. Сказать, что там были плохие дороги, это ничего не сказать. Дорог там вообще не было. Конечно, конники со своими повозками и 45-мм противотанковыми пушками довольно легко преодолевали трудности лесных дорог. Для наших танков приходилось рубить лес и валить бревна в болотистые участки дороги, подкидывая новые и новые бревна после прохода каждого танка. Особенно трудно было группе сопровождения: ремонтной летучке, санитарной машине, машине нашего полевого штаба, машинам снабжения и другим автомашинам нашего обоза. Иногда эти машины приходилось буксировать танками. Но от практики буксирования пришлось отказаться после того, как у одной из буксируемых машин танк вырвал передний мост.

Дебри брянского леса были для немцев непроходимым и следовательно непосещаемым местом. Во всяком случае за все время войны, а шел уже 1944 год, ни одного немца местное население не видело. Я познакомился со многими из местных жителей, которые с началом войны ушли в лес и жили в землянках, маскируясь от немецкой авиации. Постепенно к ним присоединялись солдаты и офицеры из отступающих частей и даже бежавшие из немецкого плена. Партизаны мы не встретили. В партизанских отрядах никто из местных жителей не участвовал.

Тем группам, которых для ведения партизанской войны под видом партизан забрасывало наше командование, приходилось уходить, разыскивая действующие партизанские отряды. Таким образом, предположение о том, что местные партизаны могут нам помочь при захвате Жуковки, отпадало из-за отсутствия в этих местах действующих партизан.

Что меня поразило при взгляде на мужиков, проживающих в этих лесах, так это их сытые, раскормленные физиономии, чего давно не приходилось наблюдать среди нашего народа, живущего в голодном тылу. И при знакомстве с населением освобождаемых районов такие лица мне также не встречались. Невольно мне вспомнились слова К.Маркса из книги "Капитал", описывающие натуральное хозяйство - прибавочный продукт, производимый в этом случае только одним человеком, может прокормить 12-15 человек в зависимости от особенностей внешних условий. В данном случае условия ведения натурального хозяйства были идеальными. Никаких поборов натурой или в виде налогов. У них было все. Они сеяли и снимали урожай, которым ни с кем не делились. Я пил у них самогон настоящий на каких-то лесных ягодах. Понравился! Они держали в землянках скотину: коров, свиней и другую живность. Мечтали они только о том, чтобы такая жизнь продолжалась как можно дольше и без колхозов. Кстати, немцы колхозов не разгоняли, поскольку это была самая удобная форма эксплуатации и ограбления крестьянства.

Мало-помалу, к опушке леса, выходящего в сторону станции Жуковка, подтянулись все наши 9 танков Т-34 и машины обеспечения, которые удалось довести в сохранности. Далее в глубине леса, расположились казаки со своим обозом. Поскольку весь отряд прибыл на исходные позиции, была налажена радиосвязь, запрещенная на время

движения отряда, и объявлено время атаки на немецкий гарнизон, который по нашим предположениям должен был располагаться на станции.

Атака была назначена на 19.00, г.е. под вечер, без всякой артподготовки, не считая нескольких выстрелов шрапнельными снарядами в сторону станции из танковых 76,2-мм пушек. Большой артподготовки танки сделать не могли, поскольку в боекомплект танка могло входить не более 2-3х шрапнельных снарядов, а бронебойными и осколочными стрелять было бессмысленно. Не встречая интенсивного ответного огня, которым встретила нас батарея малокалиберных зениток, наши танки, а с ними и казаки в пешем строю, ворвались в Жуковку,

Оказалось, что в Жуковке не было немецкого гарнизона. Она охранялась лишь несколькими отрядами полицаев из местных жителей, перешедших на службу к немцам. Большинство из них, главным образом из дальних районов станции, успели разбежаться. Станция представляла собой довольно большой

Уставом, заняло телефонную станцию, банк, управу и другие здания управления городком. Но вскоре, едва наступила ночь, начались бесчинства казаков. Поскольку полицаев арестовали, и никакой охраны складов с продуктами, и в особенности с водкой, не стало, то казаки немедленно использовали такое положение. К утру все казаки были вдребезги пьяны. Никакие наши попытки образумить потерявшее остатки ума казачество ни к чему положительному не привели. Мы даже заметили случаи мародерства, тем более что обоз с коноводами был подогнан ближе к станции. Туда казаки и тащили награбленное.

Конечно немцы не могли организовать контратаку из полицаев. Полицаи — не солдаты. Ближайшие гарнизоны немцев были в Брянске и Рославле. Как ни как, железная дорога была перерезана, пусть пьяными, но все-таки, как нам тогда казалось, боеспособными казаками. Пока мы в своем полевом штабе рассуждали на эту тему, немцы подогнали бронепоезд, который с дистанции, недоступной выстрелу из танковой пушки, открыл методический огонь по нашей группировке. Каждые 15 секунд следовали выстрел из 127-мм пушек. Наши казачки немедленно отрезвели и бежали из Жуковки. Нам тоже пришлось отвести свои танки в лес.

Я не знаю, кто и как докладывал о происшедшем в эту ночь провале захвата станции, но последовала команда повторить провалившуюся атаку и снова отбить Жуковку. Наши танки не могли принять участие в контратаке, так как горючее было на исходе, а помочь пушечным огнем мы не могли. Расстояние от леса, где стояли танки, до Жуковки было более 2,5 км.

Я помню эту ночную контратаку, происходившую в полутьме. Изредка нас освещали догоравшие над нами осветительные ракеты, которые периодически запускали немцы. Помню свое бессилие поднять казаков личным примером. Они замертво лежали, только вздрагивая от свиста пуль. Я уговаривал их подняться, ведь свистят только те пули, которые уже пролетели и, следовательно, уже не могут принести вреда. Поднимать их в атаку патриотическими призывами было совершенно бесполезно, они даже на мой весьма профессиональный мат не реагировали. Напоследок я уже стал к каждому обращаться персонально, угрожая пистолетом, и даже бил их сапогом в зад. После этого некоторые

поднимались с земли, но, пробежав метров 10-15, снова ложились на землю.

Устав безрезультатно поднимать казаков в контратаку, я решил посмотреть, что же делает командир соседней группы, вместе с которым я слушал

приказ о контратаке. Оказалось, он спокойно лежал в небольшой естественной канавке и покуривал в кулак. Поговорив с ним, я пошел к своим танкам. И те казаки, которых я безуспешно поднимал в атаку, немедленно потянулись за мной.

Из всей совокупности впечатлений, которые я вынес, анализируя ночную попытку контратаки, я сделал вывод, касающийся выполнения идиотских приказов. Они могут быть отданы как по причине действительного незнания окружающей обстановки, либо, и чаще всего, из комчанства, когда не считаются с потерями как людей, так и техники, добиваются выполнения своих самодурских приказов. При выполнении таких приказов достаточно только симулировать активность, и все обойдется.

На утро по радио пришло два приказа. В соответствии с первым,

мы должны были закрепиться в круговой обороне и ждать пока нас не освободятдвигающиеся в нашем направлении войска фронта. По второму, нам сообщалось, что половина личного состава, принимавшего участие в глубоком рейде, награждена орденами и медалями. Меня за участие в рейде наградили орденом «Красной звезды» № 297122. Со своей стороны скажу об этом без кокетства, что кроме безуспешной попытки поднять казаков в контратаку на Жуковку, я ничего достойного упоминания не совершал.

Важно отметить, что Главное командование и Политуправление в начале 1943 года приняло ряд законов и соответствующих им постановлений, ужесточающих ответственность и кару за предательство, измену и нарушение воинского долга. Я не имею в виду давно действовавшие заградотряды, штрафные роты и батальоны. В функции заградотрядов входила главным образом охрана тридцати километровой прифронтовой полосы, где задерживались дезертиры и диверсанты. Это были обыкновенные пограничники, никакого участия в боевых действиях не принимавшие, лишь перемещавшиеся вместе с фронтом, сохраняя установленную дистанцию от передовой.

Кроме мер наказания, предусмотренных приказом И. Сталина № 227, было узаконено проведение смертной казни для предателей путем повешения. Это являлось, безусловно, более действенной мерой наказания, если проводилось публично. Особенно сильным ужесточением мер воздействия на предателей явилось объявление их «вне закона» Эта мера была введена в связи с появлением в немецкой армии власовцев и отрядов РОА (Русской освободительной армии). Мне лично пришлось наблюдать применение этого приказа на деле.

В нашем 184-м танковом полку служил милейший человек - доктор Сойка, белорус по национальности. Одно общение с ним могло лечить, во всяком случае облегчить течение болезни. Однажды мы, группа танкистов, вышли на дорогу встречать нашего друга, возвращающегося из госпиталя. Конечно с нами был и доктор Сойка, который собственно и направил его в госпиталь. В это время мимо нас вели колонну пленных немцев, среди которых Сойка увидел своего бывшего, как он сказал, еще школьного “друга”, да еще в мундире армии РОА. Невозможно описать, что произошло с нашим милейшим доктором. Он кинулся к начальнику конвоя с просьбой отдать ему этого пленного. Конечно тот не соглашался. Ведь он должен был довести всех, кого он принял на конвой. Не представляя, что задумал наш доктор, мы тоже уговаривали начальника конвоя. В конце концов Сойка сбежал в свою санитарную машину и принес оттуда весь свой запас спирта и все лекарства, содержащие спирт. Всего, на мой взгляд, литра на три.

Кошмар начался сразу, как только колонна пленных удалилась за поворот дороги. Не предупредив нас, доктор Сойка вынул свой ТТ и открыл огонь по своему бывшему другу. Сперва мы старались уговорить доктора не зверствовать. Но все мы помнили, что на днях до нашего сведения довели содержание закона о тех, кто оказался “вне закона”, Мы вынуждены были только смотреть. А наш доктор неистовствовал! Сперва он стрелял по ногам, а когда несчастный, дергаясь руками, свалился в дорожную пыль, доктор стал стрелять по рукам. Видимо хорошо зная анатомию человека, он после замены 58 обоймы стал стрелять в нижнюю часть живота и последний выстрел сделал в грудь. Таким образом он

расстрелял две обоймы к ТТ. Больше у него патронов не было.

Наблюдая эту процедуру, я вспомнил поведение буйно помешанных в калужской психиатрической больнице и решил, что это Сойке даром не пройдет. Действительно, человек свихнулся, Он стал ездить по прифронтовой полосе, разыскивая своих бывших друзей, про которых он заранее решил, что и они все могут быть предателями. Командиру полка эти отлучки надоели, и доктора Сойку из полка убрали. Могу утверждать, что мы тогда даже не считали это зверством. Каждый из нас уже видел множество смертей, участвовал в атаках и прорывах и внутренне был подготовлен к ранению или к необратимому... У большинства танкистов притупляется сознания неминуемой опасности. С какой стати мы должны были сожалеть о человеке в мундире РОА? Я лично пожалел доктора Сойку.

Совсем недавно мы хоронили одного из танкистов, погибшего не в бою, а при охране авангардной части штаба, проводившего разведку. Его танк напоролся на огонь из пушки, стоявшей в засаде. Командир танка сгорел, не успев даже сделать ни одного выстрела в ответ на

кинжальный огонь этой пушки. Я ощущал необычайную легкость его полуобгоревшего тела. У него сгорели кисти рук и ноги. А само тело засохло, как говорят медики, в позе боксера. Его похоронили, как обычно хоронят танкистов, завернув в плащ-палатку рядом со сгоревшим танком. Этот танк и будет памятником нашему другу, пока его не увезут на переплавку. На грустном холмике осталась стоять фанерная пирамидка с фамилией инициалами и годами рождения и гибели. Пирамидка увенчана жестяной звездой. Это все, что останется как память о погибшем танкисте. После прощального салюта наш полк снова уйдет к передовой. И если товарищи не напишут скорбных слов его родным или близким, то только штабной писарь отошлет им типографскую похоронку, заполнив ее сухими дежурными словами: "...погиб как герой при освобождении нашей социалистической Родины".

Я давно пытаюсь создать обобщенный образ танкиста, начиная со зрительного представления о нем, в виде характерного, свойственного, только танкистам элемента одежды — в моем представлении это должен быть танковый шлем. Танкист должен быть представлен действующим в своей естественной среде. Этой средой является обстановка танка. Танкист действует, руководствуясь неписанными правилами танкового боя: не вижу — не стреляю, памятуя об ограниченности боекомплекта, который имеется в танке.

Главнейшей целью, ради которой он готов подвергать себя излишнему риску, а не прятаться за броней, является подавление огневых точек врага, защита своих товарищей и себя заодно. По этому поводу я написал стихотворение, посвященное моему погибшему другу Грише Болдыреву, 1921 г.р.

БАЛЛАДА О ШЛЕМЕ

Грише Болдыреву- танкисту, погибшему нас
защищая и оставшемуся молодым навечно.

Из боя танк вернулся на буксире.
(в бою был подкалиберным задет.)
Лежал в нем шлем танкиста - командира.
Жил командир, и командира нет,

Шлем был в крови и спереди и сзади.
С дырой налобник - пулей вырван клоч.
" Скажи танкист, какого хера ради,
Ты вышел в люк? Ведь за броней быть мог!"

Смеркалось, тигр бил из засады.
И ничего не разобрать в прицел.
А чтоб стрелять — врага увидеть надо!
Он люк открыл, отыскивая цель.

Засек ее по вспышкам в этом месте.
К прицелу вновь налобником прильнул,
Поймал, подвел на перекрестье,
По тигру подкалиберным хлестнул.

Еще снаряд — горит врага машина!!!
Другой тигр бьет. И снова командир,
Презрев осколки, пули, мины,
Отыскивает цель. И вдруг померкнул мир.,.

Тот тигр сгорел и удалась атака.
Как и другие множества атак.
А командир упал на днище танка,
И смерть пришла с победой вместе в танк.

А шлем, шальнойю пулею пробитый,
Напомнит нам, как молод был и смел

Танкист, искавший цель открыто,
И больше ничего он сделать не успел.

Март 1945 г. госпиталь в монастыре г. Ченстохт.

После проведения рейда по брянским лесам наш 184-й танковый полк был направлен на переформирование в г. Горький, для получения новых танков Т-34 и пополнения личного состава. Полк прибыл в Горький в тот момент, когда на город начались ночные налеты немецких бомбардировщиков. Для немецкой авиации он был очень хорошо заметная цель, замаскировать её было невозможно - город стоял на слиянии двух мощных рек Оки и Волги. Такая цель отлично заметна и днем, и ночью при любой погоде. В результате первой ночной бомбежки был полностью разрушен и сгорел ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), который должен был обеспечить наш полк автомобилями.

Мы наблюдали эту бомбежку, видели как, эшелон за эшелон, налетали немецкие тяжелые бомбардировщики, сбрасывая на город пятисоткилограммовые и даже тонные, как нам показалось, бомбы. Все это происходило при мертвенном свете от медленно опускавшихся на парашютах осветительных бомб. С болью в сердце следили за беспомощно шарящими по ночному небу, озарявшемуся огнями разрывов, лучами прожекторов, разыскивающих цели для наших маломощных зениток.

На вторую ночь налёт повторился, но обстановка круто изменилась. В Горький прибыла сильная противовоздушная часть, снятая с какого-то участка береговой обороны. Зенитные орудия крупного калибра быстро рассеяли эшелоны немецких бомбардировщиков. Я видел как падали, горевшие в воздухе два немецких самолета. Такой бомбежки и таких результатов мне не приходилось видеть даже на фронте. От знающих людей я в это время услышал, что в начале войны наши зенитчики затрачивали до 7 000 снарядов (семь тысяч) на один сбитый немецкий самолет. К концу войны эта цифра уменьшилась до 2000 (двух тысяч) снарядов на один сбитый. Каким же должен был быть мощным

наш тыл, чтобы обеспечить боеприпасами только одну нашу противовоздушную оборону?! И здесь я, в который раз за время войны, вспоминаю мудрые предсказания моего знакомого старика-часовщика из г. Риги, (см. раздел " Так было-2 ").

Немедленно после прошедшей бомбежки, функции разбомбленного ГАЗа были распределены между предприятиями соответствующих профилей, благодаря чему, например, наш полк получил требующиеся автомашины, правда с деревянными кабинами, но вполне пригодными к эксплуатации. Точно так же было восстановлено производство военной техники и на других заводах. Завод выпускавший танки (Канавино?) не пострадал от бомбежки, и я с большим интересом наблюдал весь технологический процесс сборки танков Т-34 и другой военной техники. Это мне существенно помогло при обучении на Танковом факультете в МВТУ им.Н.Э. Баумана и в особенности во время моей работы в Бронетанковой Академии им И. Сталина.

Культурная жизнь в Горьком не прерывалась тоже, несмотря на военную обстановку и довольно частые воздушные тревоги. Город был насыщен формирующимися военными частями, для командного состава которых систематически читались лекции о новых образцах вооружения. Именно там я узнал о характеристиках мощных зениток. Работали театры, филармония, концертные залы и даже цирк. Были особенно популярны ночные (с двенадцати до двух часов ночи) концерты. А когда их еще было их проводить? Ведь днем люди напряженно трудились, многие по 10 - 12 часов.

Получив новые тридцать четверки и доукомплектовавшись новым пополнением в танковых экипажах, наш 184-й танковый полк вернулся на Второй белорусский фронт. К этому времени в результате очередных, коренных изменений условий проведения партийно-политической работы, в действующей армии был ликвидирован статус заместителей командиров рот по политической части. Его признали принижающим роль командира роты, как единоначальника и снижающим его авторитет,

Я был соблазнен заманчивым предложением командира полка о переходе на работу в штаб, на должность заместителя начальника

штаба по разведке. Мне показалось, что наступил удобный момент "под шумок", избавиться от бессмысленной и, по моему убеждению, ненужной партийно-политической работы. Заручившись согласием командира полка, повторившего свое предложение, я поехал в политотдел армии, где и сформулировал свою просьбу. В политотделе мне предложили подать письменное заявление. Не представляя я тогда, чем все это может кончиться.

Окрыленный надеждой, я вернулся в полк и стал ждать ответа из политотдела. И ответ пришел... Пришел в виде вызова на заседание партийной комиссии, как сейчас говорят "для клизмеиния". Партийная комиссия хором на меня навалилась, обвиняя в множестве грехов, главным из которых была "попытка дезертирства с важнейшего на этом этапе войны участка партийно-политической работы". Эту формулировку мне "пришил" исполняющий обязанности председателя комиссии, старый большевик в чине бригадного комиссара.

Увидев, что ничего хорошего мне не светит, я стал понемногу соглашаться с мнениями членов комиссии. Согласиться сразу было нельзя, прозвучало бы неубедительно. Но надо было как-то заканчивать эту комедию. В результате обсуждения моей судьбы я, как достаточно молодой, получил номенклатурную должность комсорга 42-го танкового полка. Мне сулили перспективу в дальнейшем перейти на другую номенклатурную должность — парторга полка. Но, с условием чтобы я перестал думать об уходе с партийной работы.

Мое знакомство с командиром 42-го танкового полка, подполковником М.Тидеманом произошло практически, как и с командиром предшествующего 184-го танкового полка. Для начала командир полка заявил, что не любит бездельников, но услышав мои объяснения, за что я получил орден Красной звезды, сразу же предложил перейти на работу в штаб полка на должность помощника начальника штаба по разведке. Я сказал ему, что уже слышал подобное предложение в предыдущем полку, и хорошо знаю, что с политработы не отпускают. Оставалось поблагодарить за доверие и приготовиться к выполнению персональных приказов командира полка, по существу, связанных с исполнением

обязанностей третьего помощника начальника штаба.

В самом начале моей службы в 42-ом танковом полку, произошло практически необратимое, по своим результатам, происшествие. У меня украли партийный билет. Пьянка по поводу начала моей службы в 42-м танковом полку происходила в соседней части - в БАО (Батальон аэродромного обслуживания). Причиной выбора этого места было то, что в БАО всегда был избыток спирта, выдаваемого для протирки прицелов и ответственных приборов на самолетах. Человек, укравший партбилет, был дезертиром, как мне потом объяснил наш оперуполномоченный из контрразведки Смерш. Он затесался в нашу кампанию с целью заимствования подходящих документов. Через 17 дней его изловила контрразведка, и я его опознал. Мой партбилет у него обнаружили...

Но главный урон моей судьбе уже был нанесен. На заседании той же партийной комиссии меня долго прорабатывали и вынесли строгий выговор с последним предупреждением "за пьянство и потерю бдительности." В общем весь набор партийных взысканий, которые были в распоряжении комиссии. Председатель партийной комиссии в заключительном слове сказал: "Теперь Вы должны смыть кровью тот несмываемый позор, которым Вы покрыли нашу партию". Но от номенклатурной должности комсорга полка не освободили. А я очень надеялся на этот исход. В полку меня встретили вполне доброжелательно. С кем не бывает!

Не буду подробно описывать, как проходил процесс опознания, когда меня ночью привезли в помещение контрразведки. Оперуполномоченный нашего полка, с которым я впоследствии подружился, догадался вынуть из моей кобуры ТТ, как будто предчувствовал, что я собрался пристрелить похитившего мой партбилет дезертира. Спасибо ему за это! Хотя жизнь человеческая в то время ничего не стоила, и в конечном счете я был бы оправдан, но хлопот было бы предостаточно. Фамилию контрразведчика я с благодарностью вспоминаю до сих пор, но не имею права опубликовать ее в этих воспоминаниях.

Наступил день 23 апреля 1943 года. День, который я помню в мельчайших подробностях. От имени командующего фронтом К.К.Рокоссовского в наш 42-ой танковый полк поступил приказ захватить

новый рубеж, прорвать оборону немцев и захватить населенный пункт Колотовка, Командиру танка, который первым ворвется в Колотовку, командующий фронтом обещал ходатайствовать перед Верховным советом СССР о присвоении звания Героя Советского Союза.

Я изучил по штабной полевой карте, тринадцатикилометровый путь танков нашего полка через глубоко эшелонированную оборону немцев, которую надо было преодолеть, чтобы достигнуть Колотовки. По сведениям разведки там стояло в засадах несколько «тигров». Но пока моё желание принять участие в атаке наших танков было только мечтой. Неожиданно мечта осуществилась. На исходной позиции перед атакой танков шальной пулей был тяжело ранен в голову командир танковой роты старший лейтенант М. Зайцев. Я без раздумий объявил в штабе, что поведу роту в бой. Как не странно, но в тот момент я думал только о том, "...что я должен" смыть кровью свой позор..." и т.д., а совсем не о звании Героя. Имена и фамилии здесь и далее приведенные подлинные, так как у меня сохранились документы, подтверждающие причастность этих людей к этой боевой операции. Парторг полка и начальник штаба были категорически против моей затеи. Но как только закончилась артподготовка, я надел шлем раненого командира роты и, подав зрительный сигнал "Делай как я!", повел роту в бой. Механиком-водителем танка командира роты был К.Ершов, с которым я даже не успел познакомиться. Должен сказать, что мои действия по управлению танковой ротой в боевой обстановке были основаны на тех знаниях, которые я получил еще в учебном батальоне 27 ЛТБ в г. Борисове.

Чтобы лучше видеть поле боя и расположенные на нём цели, я не стал садиться на сиденье командира танка, а стоял на нём и опускался к прицелу только чтобы сделать очередной выстрел из пушки по цели, которую я выбирал заранее. Мой механик К.Ершов вел танк от одной группы кустов к другой, делая около них кратковременные остановки, давая мне возможность сделать очередной прицельный выстрел из пушки или очередь из спаренного с пушкой пулемета ДТ.

Обозревая поле боя, я заметил, что из группы танков, наступающих справа, вырвался вперед один танк, преодолевший открытый участок поля боя. Как я потом узнал, это был танк старшего лейтенанта

М.Б.Джумагулова. Его настоящее имя было Эль Мурза, которое переделали в Михаила Борисовича. Увидев маневр Джумагулова, я по внутренней связи приказал механику Ершову, на самой большой скорости преодолеть открытый участок. Но наш танк обнаружил «тигра», который повел из засады прицельный огонь по моему танку.

Глядя из своего открытого люка в башне, я попытался обнаружить точку, из которой вел огонь «тигр». Первый снаряд, попавший по моему танку, был подкалиберный, поскольку внутри танка взрыва не произошло. Он попал в шаровую установку, располагающуюся в носовой части танка. Эта шаровая установка вместе с пулеметом ДТ, влетевшая в танк, разможила сидевшего за ней стрелка и оторвала ноги моему заряжающему пушку. Поскольку я не сидел на месте командира танка, а стоял на нем перед открытым люком то, моим ногам ничего не досталось.

Оставалось выяснить, что произошло с механиком водителем. Я попросту вывалился из башни танка и ползком добрался до люка механика. Люк был открыт, и из него висела рука механика, за которую я вытащил его из танка и оттащил в сторону. И вовремя это сделал. После следующих выстрелов того же «тигра» наш танк загорелся. В нем начали рваться оставшиеся снаряды из боекомплекта. По-моему я успел расстрелять только 18-20 снарядов из 43х. Оттащив подальше от горевшего танка механика Ершова, я стал думать, что делать дальше,

Я знал, что вторым эшелоном за нашими танками должны были идти самоходки ИСУ-122, к которым обычно подвозят снаряды, поскольку они расходуют много боеприпасов. И действительно одна из подвод оказалась поблизости. Приказав под дулом пистолета свалить ящики со снарядами на землю, я погрузил своего механика на подводу и приказал ехать к нашим исходным позициям. Ершов был практически без сознания, меня он не узнавал. В спешке перед боем я успел с ним только обменяться рукопожатием.



Э.Джумагулов

После разбора результатов нашей танковой атаки, в ходе которой был выполнен приказ К.К.Рокоссовского и взят населенный пункт Колотовка, возник вопрос о присвоении звания Героя М.Б.Джумагулову. Меня за участие в этой танковой атаке наградили орденом «Отечественной войны» 1-ой степени №73739. Командир полка приказал мне согласовать документацию на присвоение звания Героя М.Б.Джумагулову со всеми частями: саперными, артиллерийскими и, главное, с пехотными. Всего надо было собрать около 6-7 подписей. Обычно документация на награждение орденами и медалями составляется в штабе, ее подписывает командир полка и утверждает соответствующий уровню ордена или медали командир подразделения. Так оформлялись все военные ордена, кроме звания Героя, которое утверждалось Верховным Советом СССР.

Единственным из командиров частей, от которых я должен был получить это согласование, кто возражал против награждения званием Героя был командир стрелковой дивизии. Номера дивизии и фамилии ее командира я не помню. Его возражения сводились к тому, что Джумагулов был нацменом, несмотря на имя и отчество, Михаил Борисович, которое ему придумали в нашем штабе. Такого упёртого националиста за время войны я еще не встречал. Воевал весь многонациональный народ. Я видел в боевой обстановке солдат и командиров, представителей разных национальностей. Могу утверждать, что все они в критических условиях боевой обстановки вели себя достойно и ответственно, кроме откровенных предателей.

К ним я причисляю в первую очередь калмыков, с активными предательскими действиями которых, нам неоднократно приходилось сталкиваться. Из них немцы набирали отряды уничтожения, вооруженные заплочными огнеметами, средствами отравления воды в колодцах и другими вредоносными веществами для уничтожения продуктов питания. Они резали всю остающуюся на освобождаемых землях скотину. Кроме этого вреда крестьянам они поджигали своими огнеметами всё, что только могло гореть. Это я видел и думаю, что калмыки, совершая разгром и уничтожение, делали все это совершенно сознательно и получали от

содержащего определенное удовольствие.

Что касается требуемой подписи, то я её получил, после того, как попарился в баньке с командиром дивизии, Хорошая была банька, большая редкость в фронтовых условиях. Я искренно похвалил качество баньки и может быть этим ускорил получение требуемой визы генерала. После операции под Колотовкой 42-ой танковый полк в участвовал в боях местного значения и, наконец, принял участие в сражении за освобождение г.Бобруйска. После которого: " За отличные боевые действия..." (здесь приведены слова из приказа), 42-ой тп был отмечен благодарностью И.Сталина от 29 июня 1944 года и получил название - "Отдельный Краснознаменный Бобруйский линейный танковый полк". После сражения за г. Бобруйск, наш полк сдал на ремонтные базы оставшиеся танки, у которых уже был полностью израсходован ресурс ходовой части. Гарантированный срок службы гусеничных цепей при цевочном зацеплении рабочих колес — 11 000 км. Ресурс танкового мотора У2, который ставили на танки Т-34 после снятия с истребителей и соответствующей переборки, всего 100 часов. Двигатели автомобильного типа, применявшиеся на танках - "Тигр", "Пантера" и других танках, имели ресурс от 250 до 400 часов.

В июле полк выехал за новыми танками и пополнением людьми в ТТВЛ, (под г. Тула). Как я и ожидал, командир полка дал мне очередное задание - взять под контроль новое пополнение полка людьми. Полку было выделено 65 человек. Из них было только 7 шоферов, вышедших из госпиталей, а значит уже обстрелянных солдат. Остальные были только что призванные, едва прошедшие курс молодого бойца новобранцы. Глядя на них, можно было сразу заключить, что многие, чтобы попасть в армию, прибавили себе по паре лет возраста. У одного из них я отобрал рогатку. Командир полка приказал их усиленно кормить и не позволять шалить с боеприпасами, поскольку они любили баловаться бездымным порохом, который они зажигали и совали друг другу в физиономию. Были и ожоги,

Кроме этого пополнения полк получил 8 казахов, еле-еле говорящих на русском, и 9 уголовников, только что освобожденных из тюрем и лагерей. Этих субъектов для " прочищения мозгов " командир

полка приказал обучать строевой подготовкой, после их попыток установить в части порядки зоны. Эта "строевая " продолжалась по 8 часов в день, с заменой проводивших ее офицеров через каждые два часа. По своему опыту знаю что такое мероприятие идеально прочищает мозги. Двое из этой группы отказались выполнять приказы командиров и после сидения в яме, которую они, для себя вырыли сами, были отправлены в штрафной батальон.

Конфликт в полку возник из-за распределения семи шоферов уже побывавших в боях. Каждое из обслуживающих подразделений считало, что именно оно имеет преимущество их получения в данном случае. И действительно, как можно было возразить начальнику боепитания, или военврачу, или, например, начхозу, требовавшего шофера для кухни. Я присутствовал при этой торговле, и неожиданно для меня все споры и претензии разрешил помпотех полка, который сказал, что всех семерых шоферов он посадит на бензовозы. "Если не будет бензина, то никто нигде не поедет." Все споры после этого прекратились.

Командир нашего полка был очень добрым по натуре человеком, и по этой причине он совершил ошибку, грозившую обернуться катастрофой для всего нашего танкового полка. К нему обратился командир одного из танков, с просьбой разрешить взять с собой его, якобы, сестру, которая погибала от голода в Туле. Командир дал согласие и приказал зачислить ее на должность парикмахера. Как выяснилось после приезда на место дислокации полка, эта "парикмахерша" оказалась профессиональной проституткой. Ее услугами воспользовались несколько танкистов из первого эшелона танков. Полк транспортировался двумя эшелонами. В каждом были платформы с танками и несколько пассажирских вагонов. В танках посменно, попарно дежурили члены экипажей. Они должны были отдыхать в пассажирских вагонах. Я ехал со штабом во втором эшелоне и, конечно, не представлял, что творится в первом.

В соответствии с приказом командарма полк должен был немедленно после прибытия занять исходную позицию и ждать часа «Ч». В ожидании этого часа я занялся обучением моего ординарца Шопена

Баяленова, основным правилам русского языка. Не зная, что делать с казахами, командир полка решил раздать их в качестве ординарцев ведущим командирам штаба полка. Поскольку я числился по штабу и получил повышение в звании - стал капитаном, то и мне был выделен ординарец. Он оказался очень исполнительным, хотя я не сразу научился его понимать.



Ночью меня вызвали в штаб полка, где я увидел вместе с командиром полка весьма странный набор представителей служб: врача, помпотеха, контрразведчика и некоторых других, которые обычно при объявлении боевого приказа не присутствуют. Командир полка был мрачен. Обращаясь ко мне начальник штаба объяснил обстановку. Оказывается, та самая "парикмахерша", обладая полным букетом всех венерических болезней, заразила всеми ими более десятка танкистов. Начальство пока не знало об этом или делало вид, что не знает о том, что многие давно знали. Недаром здесь присутствовал уполномоченный контрразведки. Ведь если бы всё это стало известно командованию, то первым был бы наказан командир полка, как разрешивший ей работать в полку.

Всем заразившимся танкистам грозил трибунал и ссылка в штрафной батальон, куда направляли заразившихся офицеров после выздоровления. Поэтому все ждали чрезвычайного события, которое должно было разрядить обстановку. Полк шел на прорыв обороны противника. Обычно после прорыва остается не более 50% танкистов. Тех кто сгорит, их конечно жаль, но это боевые потери. Среди них могут оказаться и больные. Оставшиеся танковые экипажи, где могут быть заразившиеся, сдадут вместе с танками в другие полки. Пусть они сами там разбираются. Наш полк стал полком прорыва, и после приказа И. Сталина за Бобруйск должен был получить звание гвардейского.

Все это прозвучало в информации начальника штаба. Но я пока не понимал своей роли в происходящих событиях. Мне объяснили следующее: пока наше командование, делает вид, что не знает о скандале, никто из руководства полком не может подойти к месту кульминации скандала — к аутодафе. Заразившиеся танкисты собрались сжечь "парикмахершу". Всякий из командования, кто мог увидеть это зрелище, обязан был немедленно подать рапорт об этом событии со всеми вытекающими из этого последствиями. Единственный, кто мог увидеть это сожжение без соответствующей реакции, был я, поскольку не был официально в составе штаба, а все заболевшие танкисты не были комсомольцами. Поэтому от меня ⁷⁴никаких рапортов не требовалось. Единственное указание заключалось в том, чтобы не было зверств, и

чтобы я не брал с собой ординарца. Наш оперуполномоченный "любезно" указал мне направление, где искать это место.

Было очень раннее осеннее утро. Солнышко еле пробивалось сквозь густые кроны деревьев (направление было на восток). Смешанный лес был в чудесную пору золотой осени, и его наполняли пьянящие запахи грибной поры. Двигаясь по компасу, я через 2 км стал явственно ощущать запах горящего дизельного топлива - газойля, а затем и запах костра. Вскоре стал виден и сам довольно сильный костер. Около него стояло 6 человек, обернувшихся в мою сторону.

Я задал единственный, уместный в данной ситуации вопрос: "Вы хотя бы пристрелили её перед этим...?" Один из стоявших перед костром танкистов молча кивнул головой. Дальнейшие разговоры вести было бессмысленно. Да и о чём можно было говорить, зная, что эти люди через несколько часов пойдут в бой, в прорыв и половина из них погибнет. По опыту захоронения моих сгоревших в танках товарищей я знал, как трудно сжечь человеческое тело, поэтому уходя, я приказал: "Тело похоронить и замаскировать место захоронения!".

Утром наш полк сделал прорыв для дальнейшего наступления частей 2-го Белорусского фронта. В тот же день, взяв с собой ординарца с автоматом, и переодевшись на всякий случай в танковый комбинезон, я направился выполнять обычные в этом случае обязанности заместителя начштаба по разведке. Погода была очень теплая. Мы двигались по следам прошедших танков в направлении ещё продолжающегося боя, откуда слышались редкие пулеметные очереди..

Неожиданно я увидел сидевшего под деревом немецкого офицера. Его ноги были укрыты плащ-палаткой и его руки лежали на ней. Вынув на всякий случай пистолет (офицер сидел в метрах десяти от нас), я послал ординарца посмотреть, что у него под плащ-палаткой. Вернувшись, Шопен доложил: "Один ногам совсем нет". Решив, что раненый немец безвреден, и что его подберут идущие за нами санитары, мы двинулись дальше к месту сражения. В этот момент прозвучали два выстрела из "вальтера", издающего звук, который с другим пистолетным выстрелом спутать невозможно.

Первый выстрел повалил на землю идущего за нами пехотного

подполковника, вторым выстрелом немец застрелился сам. Видимо, немец ждал первого советского офицера, чтобы застрелить его, а потом застрелиться самому. Остается понять, почему он не стрелял в меня. Скорее всего потому, что на том офицере на гимнастерке были погоны, а на моём комбинезоне их не было. Но здесь важно другое. Я смотрю на это событие, как на проявление настоящего героизма. Он был немцем - врагом, но он, будучи безнадежно раненым, выполнил до конца свой долг. Завидовать надо такому мужеству!

Тов. И.Сталин хорошо разбирался в темных инстинктах человеческой души. Он понимал, что именно сейчас, в той части Польши, которая была под протекторатом Германии, пришла пора разрешить солдатам и офицерам посылать ежемесячно домой посылки весом до 8 кг. Таким образом он фактически разрешил мародерство. А как иначе солдат может соорудить такую посылку в боевых условиях. Я не имею в виду командный состав высокого уровня, имеющий более широкие возможности, различающиеся только уровнем служебного положения. Безусловно, И.Сталин собирался поднять этим боевой дух наших войск, и он действительно его поднял. Не один раз, планируя маршрут перемещения нашего полка, наш штаб встречался с солдатами, уже тащившими оттуда барахло или чаще всего чайники со спиртом.

Мне запомнился один эпизод. Как-то после ночевки в брошенном жителями польском местечке, бывшем под протекторатом Германии, командир полка лично облазил все танки, в которых уже не поворачивались башни от трофейного барахла. Командир полка выкинул на обочину все одеяла, подушки, ковры и прочие вещи. Особенно четко мне вспоминается небольшое настольное трюмо, которое тоже было выкинуто в канаву. Больше в нашем полку таких эпизодов я не наблюдал.

В конце марта 1944 г. 42-й танковый Бобруйский полк, именовавшийся так после приказа И. Сталина за Бобруйск, получил звание гвардейского, Полк был торжественно переименован в "Отдельный 87-й тяжелый танковый полк прорыва" и откомандирован на Первый Украинский фронт, в личное распоряжение командующего фронтом И.С.Конев. Передвигаясь рокадными дорогами, наш гвардейский

танковый полк должен был влиться в группу из трех танковых армий, входящих в состав 1-го Украинского фронта, готовящего прорыв на Сандомирском плацдарме. Но прежде полк должен был получить новые танки ИС-2 вместе с свежими, ещё не сколоченными, точнее не побывавшими в боях экипажами.

Это были тяжелые танки с мощной броней. Носовая броня у танков с цельносварными корпусами была толщиной 120 мм, а на модификациях ИС-2 с литыми носами достигала 200 мм. Танк был вооружен пушкой калибра 122 мм. К сожалению, это было орудие с раздельным заряжанием. Пока наша пушка делала один выстрел, "тигр" со своей пушкой БС-3 калибра 100 мм при унитарном снаряде делал 4-5 выстрелов. Правда, снаряд нашего танка весом 29 кг сносил башню с немецкого танка Т-4. Но как с этими, двадцатью девятью килограммами управляться? Быстро не получалось.

В это время в нашем полку появился новый военврач. Это была женщина — Ирма Ивановна Бляумберг. Это была женщина невероятной красоты и, как впоследствии выяснилось, неженского ума. Так обычно бывает у всех метисов, захватывающих мыслительные способности, сразу от двух рас. Её внешность видимо определилась генами отца (Ивана) и была практически славянской. С её появлением весь офицерский состав полка стал "на уши", стремясь с ней встретиться или в иной форме познакомиться. В тяжелом танковом полку, где в каждом танке сидело по два офицера- командир танка - лейтенант и механик водитель - техник лейтенант, таких вздыхателей набиралось более полсотни. Но командир полка сказал твердо: "Это мое!", и все поползновения сразу прекратились,

Конечно, я сразу заметил выдающиеся данные нового врача. Но в это время у меня была постоянная подруга из ВЦ (военной цензуры). С ней я познакомился еще во время пребывания в 184-ом танковом полку. Эта группа девушек ВЦ всегда сопровождала 30-ю армию, и часто её расположение оказывались рядом с нашим полком. В ВЦ работало до сотни девушек-офицеров. Все они были младшими лейтенантами и лейтенантами и слепли от своей работы. Какое могло быть освещение в деревенских избах через крошечные окна? Многие девушки стремились

как можно скорее демобилизоваться. Единственный доступный им способ заключался в том, чтобы забеременеть от кого угодно. На что и шли многие отупевшие от однообразной работы молодые и весьма привлекательные девушки.

У меня с моей подругой были особые, без серьезной влюбленности, скорее приятельские отношения. Она раньше была студенткой филфака МГУ, и я показывал ей свои первые стихи. Наши встречи определялись только тем, как складывалась военная обстановка и как близко мы оказывались от передовой. По этой причине я не обращал особого внимания на нового врача. Но вскоре судьба столкнула нас лицом к лицу.

Во время очередной рекогносцировки предполагаемой исходной позиции для нашего танкового полка, штаб полка был случайно обстрелян минометным огнём. Во время этого обстрела я получил легкие ранения осколками от разрыва мины в спину и в трицепс правой руки. Наш новый врач - Ирма Ивановна, отвезла меня в госпиталь, где после противостолбнячного укола, из меня вынули осколки и собрались оставить на стационарное лечение. Длительное пребывание в госпитале меня никак не устраивало. Я хорошо представлял значение предполагаемого прорыва, который должен был сделать наш 87-й гвардейский полк, для 3-ей гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко. В результате этого прорыва предполагался выход наших войск на территорию фашистской Германии!

Для меня было смерти подобно остаться на это время в госпитале. Это означало потерять очень многое! Я упрямил Ирму Ивановну взять меня в полк и долечивать меня в нём. На мое счастье начальник госпиталя оказался однокашником Ирмы, и под её расписку меня отпустили, и мы уехали обратно в полк. А на третий день у меня поднялась температура, и Ирма, не слушая моих просьб, отвезла меня обратно в госпиталь. Возвращаясь в полк, Ирма взяла с меня обещание, что я не буду ухаживать за "стерильной" хирургической сестрой - любовницей главного хирурга госпиталя. Это была стандартная любовная связь, типичная для большинства госпиталей.

Температуру мне быстро ⁷⁸сбили, но воспаление оставалось. Поскольку это была правая рука, то начальник госпиталя сказал, что не

отпустит меня, пока воспаление не пройдет. Вопрос о досрочной выписке отпадал. Как я и просил Ирму, через 12 дней она приехала за мной и рассказала, о назревающих событиях, в которых при выполнении самостоятельных операциях полком я буду нужен. И действительно, полку была поставлена задача разгромить мелкую группировку немецкого бронетанкового соединения. Приехав в полк, я узнал в штабе, что нашему полку следовало выйти в район местечка Двур, где засела эта группировка и разгромить ее там. Сел в машину, везущую кухню на позицию наших танков, именно в это время был убит командир той роты, которая должна была разгромить группировку немцев в районе Двура. Радиосвязь с полком не работала. Я был старшим по званию. Согласовывать мои действия было не с кем и некогда, и я принял решение самому вести танковую роту в бой.

В штабе я успел посмотреть карту с нанесенной обстановкой и знал направление ожидаемых боевых действий, следуя по которому можно было встретиться с танковой группировкой немцев. Первоначально меня смутило то обстоятельство, что направление, по которому рота должна была встретиться с немцами, по нашей карте была открытой местностью, а здесь оно оказывалось заросшим 10-12 летним лесом. Решив, что наша карта устарела, мы весьма часто с этим сталкивались.

Я, познакомив командиров танков об особенностях нашего броска, сел в танк командира роты и подал команду: "Делай как я!". Я приказал механику-водителю ехать прямо на лесок, ломая деревца носом танка, подминая их гусеницами и днищем танка. Два неполных танковых взвода, идя слева и справа, повторяли маневры моего танка и делали то же самое. Пройдя таким образом километра полтора-два, рота вышла на открытое пространство прямо в тыл немецкой группировке. Поскольку наши танки шли с тыльной стороны к немцам и не вели огонь, они приняли нас за своих и даже не успели развернуть против нас свои танки. В основном это были танки «Т-4». Кроме того, среди них, как я успел заметить, были «тигр» и несколько самоходок. Те танки, которые немцы успели завести, убрались, не приняв боя, а те машины, которые не завели, они просто бросили и бежали.

Через некоторое время со стороны наших войск появились

первые пешие пехотинцы, которые сразу нашли продовольственный склад и поставили к нему свою охрану. На мое пожелание поделиться продуктами, ведь мы первыми ворвались в Двор, их командир, тоже капитан, ответил матерным отказом. Пришлось и мне показать характер. Я не стал стреляться с выставленной охраной склада, а просто приказал командиру ближайшего к складу танка повернуть пушку на корму и наехать носом танка на ворота склада. Конечно танк легко проломил ворота, въехал внутрь склада и оставался там пока мои танкисты разбирали консервы, стуженку и все, что было из съестного. Поскольку я люблю сыр, то я разыскал огромный круг швейцарского сыра килограммов на 50, который оказался очень твердым. Моей финкой его разрезать было невозможно. Но я нашел среди противопожарного оборудования, висевшего на стенде, двуручную пилу. При помощи этой пилы круг сыра был разрезан на удобные для транспортировки куски, которыми я поделился с экипажами, участвовавшими в этой операции.

За мою инициативу, проявленную во время этой операции, приказом командарма я был награжден орденом «Красного знамени» № 539411, который я получил не сразу, а через 57 лет после награждения, будучи уже профессором МГТУ им. Н.Э. Баумана. В передовице нашей университетской газеты БАУМАНЕЦ, от 18 февраля 2002 г. приводится выдержка из приказа командарма: *" О награждении комсорга 42-го отдельного Краснознаменного Бобруйского линейного танкового полка капитана Анатолия Чеканова орденом Боевого Красного Знамени"*, (приказ датирован февралем 1945 г.) Здесь проявляется очевидное разночтение в названиях нашего полка. В этом приказе он еще называется 42 -м Бобруйским, в то время как он уже с начала апреля 1945 года стал 87-м гвардейским. Расхождение видимо возникло потому, что эти документы были составлены в штабах разных армий.

Что касается содержания повествовательной части февральского приказа цитируемого в передовице БАУМАНЦА: *"... принял командование на себя и отразил 2 контратаки противника, уничтожив при этом 3 танка, самоходное орудие и 100 солдат и офицеров противника"*. Все приведенное вероятно является плодом фантазии кого-либо из работников штаба, заполнявшего наградной лист. Выше я описал,

как, в действительности, происходило это сражение. Больше мне, к тому что мной написано, прибавить нечего.

Выйдя из госпиталя, я еще больше был втянут в работу штаба полка, и по этой причине получил в свое полное распоряжение, полученную по Ленд-лизу полугрузовую машину марки «Додж». Машину я оборудовал по своему вкусу и весьма широко ею пользовался. При мне все это время находился мой ординарец, Шопен Баяленов, который тащил в нее то, что он считал своими трофеями.

Однажды ночью ко мне в Додж пришла Ирма. Это было для меня большой неожиданностью, хотя после истории с госпиталем мы сильно сблизились в чисто интеллектуальном смысле. Даже ни разу не поцеловались. Она при нашем возвращении из госпиталя сказала прямо и откровенно, что не собирается бегать от командира полка ко мне и обратно, хотя из всех офицеров полка я, оказывается, больше всех других офицеров удовлетворяю её вкусам.

Сначала я подумал, что Ирма собирается излить свою реакцию на приезд жены командира полка. Конечно весь полк смаковал это событие и жаждал узнать подробности дальнейшего развития событий. Но оказалось, что дело не в этом. Ирма была выше пересудов. Она рассказала мне, что по её сведениям в одном из католических мужских монастырей расположенных поблизости, нашли приют несколько, якобы больных, немцев вместе с обслуживающими их сестрами и врачом в гражданской (?) одежде. Ирма сказала, что только хочет осмотреть их на предмет, не симулируют ли они. Поэтому она просит меня взять Баяленова с автоматом и отвезти её к этому монастырю. Оказалось, что она уже знала дорогу, и мы без задержек нашли этот монастырь. Подъехав к мощной калитке, мы начали в неё стучать бронзовым молотком, висевшим на цепочке. Через некоторое время чей-то голос сначала польски, а потом по-немецки осведомился - кто мы и что нам нужно. На эти вопросы Ирма ответила на немецком, видимо хорошем языке, о цели нашего посещения. Калитка немедленно открылась. За ней стояли трое монахов, опешивших при виде троих военных, один из которых помахивал автоматом.

Продолжая говорить на немецком о целях нашего прихода, Ирма сняла меховую шапку, ее действительно красивые волосы весьма

картинно рассыпались, вызвав возгласы удивления: "Frau doctor!". После этого нас темными переходами провели в палату, где были четыре лежащих на койках женщины. В их изголовьях с немецкой аккуратностью были укреплены описания состояния каждой из больных и температурный график. Ирма внимательно прочитала одну из историй болезни, потом вынула дамский браунинг и, вставив в ухо больной немке, застрелила ее. Все присутствующие в этой палате застыли в шоковом состоянии... Я кинулся к Ирме, схватил ее за руку, пытаюсь отнять браунинг, который она опять положила в нагрудный карман гимнастерки.

В ответ на мои уговоры она сказала совершенно спокойно: "Не мешай!", и перешла к следующей койке, повторив все тоже самое. Я видел много смертей, происходивших в моем присутствии, но в этом случае это был расстрел, который я был бессилён прекратить... Поэтому вышел в соседнюю комнату, приказав Шопену выйти со мной. Там оставалось два монаха и один мужчина в штатском, вероятно тот врач, который сопровождал больных немок. Один из монахов громко повторял слова молитвы. Я не разобрал на латыни или на польском он их произносил. Дождавшись двух последних выстрелов я вошел в палату, опасаясь истерического припадка у Ирмы. Нет, она была абсолютно спокойна.

В машине она положила голову на мое плечо и не снимала ее с плеча, пока мы не приехали в расположение полка. Проводив Ирму до ее санитарной машины, я задал ей только один вопрос: " Откуда такой немецкий? " На это я получил очень краткий ответ: " Завтра! ", хотя давно уже наступило сегодня. Через два часа она пришла в мой «Додж» и рассказала свою историю.

В 1940 году она приехала из украинского городка под Бердичевым в Москву и поступила в Иняз на немецкое отделение. После начала войны она поступила на ускоренное отделение медицинского института, окончив который, получила диплом врача-терапевта и соответствующее воинское звание. Она сразу попросилась на передовую. Так она попала в наш полк. Ее мать - еврейку, вместе с двумя ее сводными сестрами, они были от другого отца, вывезли в Освенцим. Вот и вся ее история, которую я запомнил.

Наступило 12 апреля 1945 ⁸²года — начало массированного наступления 1-го Украинского фронта на Сандомирско-Силезском на-

правлении [И].

Наш 87 отдельный танковый полк должен был, прорвав немецкую оборону под Сандомиром, обеспечить ввод в прорыв 3-ей Гвардейской танковой армии генерала П.Рыбалко. Командир нашего полка вместе со своим штабом находился на командном пункте генерала. Рыбалко, наблюдал за продвижением нашего полка прорыва по полю боя. Несмотря на ожесточенный огонь противотанковой обороны немцев наши тяжелые танки уверенно ее подавляли. Через 25 - 30 минут после начала прорыва было замечено, что один из наших танков остановился в 350-400 метрах от КП Рыбалко. В бинокль было хорошо видно, что танк сильно осел на левую гусеницу, но продолжал вести огонь из пушки.

Потом в башне танка открылся левый командирский люк, и из него показался танкист, очевидно командир танка, который начал вылезать из башни. Именно в этот момент усилился минометный обстрел застрявшего танка, после которого командир вывалился из башни и упал рядом с танком. Ирма немедленно приказала своему старшине-санитару добраться до танка и оказать помощь раненому и, если возможно, то вытащить его с поля боя. Все бинокли на КП были направлены на санитаря, который, где ползком, а где короткими перебежками, приближался к застрявшему танку.

Сняв с танкиста шлем, он сделал перевязку головы и, уложив тело поближе к танку, перебежками под огнем побежал обратно. Вернувшись на КП, он доложил Ирме, что осколок попав танкисту в височную часть головы и застрял в костях черепа, и что танкист уже мертв. В разговор Ирма со старшиной вмешался какой-то генерал, по-моему из политработников, который стал требовать, чтобы Ирма приказала старшине вернуться к танку и вытащить танкиста на КП.

На это Ирма ответила, что танкист уже мертв и эта попытка приведет только к новым жертвам. И действительно, начавшаяся поддержка танковой атаки вступившими в бой пехотинцами, вызвала усиление огня со стороны немцев. На это ее возражение генерал соврал, сказав, что он видел в бинокль, что будто бы танкист ворочается. Я часто наблюдал и слышал своими ушами вранье генералов, но в данном случае дело осложнялось тем, что генерал вытащил пистолет и стал размахивать им перед лицом Ирма, требуя выполнения своего приказа.

В ответ на это махание пистолетом Ирма выхватила уже известный мне браунинг. Я немедленно кинулся между ними и, прижав к себе Ирму, (впервые за время нашего общения), уволок её подальше от разгоревшегося скандала. Конечно, я был твердо уверен, что угрозы генерала были пустой бравадой или проявлением самодурства. Я не раз наблюдал, как такие выходки оканчивались ничем, но я не мог предугадать ответную реакцию Ирмы. Конечно, не я один наблюдал это скандальное происшествие. Нашлись здравомыслящие и с другой стороны ссоры, и истеричного генерала тоже увели.

Подводя итоги прорыва 87-го гвардейского полка, я вспоминаю, что, войдя в прорыв, 3-я Гвардейская танковая армия освободила к 15-му апреля города Кельце и Енджихов, открыв тем самым направление дальнейшего продвижения нашему танковому полку. В соответствии с планами наступления наш полк должен был после форсирования Одера, к 24 апреля войти в г.Опельн или в Ополье, как его называют поляки. После Ополья нашему полку открывался путь на г. Бреслау. Полк продвигался широким фронтом по территории бывшей долгое время под протекторатом Германии. Следовательно она являлась подходящим объектом для "организации посылок", короче говоря, для мародерства. Этим занятиям были подвержены все действующие совместно с нашим полком части.

Мне была поставлена задача разведать дорожную сеть правого фланга полосы продвижения нашего полка. Для связи со штабом полка, в мой «Додж» посадили радиста с рацией и схемой связи и старшего сержанта из саперов, на случай потребности в разминировании пути нашего продвижения.

На самом деле они оба занимались сбором трофеев. К ним, конечно, примкнул и мой Шопен. Но оказалось, что посаженный мне сапер попутно увлекался минированием и подрывом нестораемых шкафов в помещениях гестапо. Там он надеялся найти ценности. Узнав об этом, я присоединился к саперу, с целью познакомиться с технологией этой операции. Для взрыва он использовал только две двухсотграммовые шашки тротила. Он открывал таким ~~с84~~сособом любой гестаповский шкаф. Но кроме фашистских знамен мы в них ничего путного не находили.

Больше я в поисках драгоценностей не участвовал.

Как и было намечено, я привез свою группу в г.Опельн ранним утром 23 апреля. Изучая полевую карту, я предположил, что самым сложным местом для дальнейшего продвижения нашего полка в Опельне будет мост через реку Одер. Пока приданные мне радист и сапер, а вместе с ними и мой Шопен, "резвились" в брошенных квартирах, я вышел к мосту и увидел, что все прибывающие к нему части рвутся через этот единственный довольно узкий мост на запад, мешая друг другу и создавая непроходимые пробки. До подхода наших танков я был бессилен что-либо предпринять. Но у меня возник весьма эффективный план, который я и реализовал, как только подошли передовые танки.

Два первых танка я поставил поперек продвигавшейся на мост какой-то механизированной пехотной части, открыв путь только танкам нашего полка. Начальник штаба полка, только что прибывший в Опельн, одобрил мою инициативу и, оставив меня пропускать наши отставшие танки, умчался через мост, догоняя уже прошедшие танки. Но именно в это время на мост налетели два немецких штурмовика, обстрелявшие мост из самолетных пушек. Осколками от разрывов снарядов самолетных пушек 23 апреля 1945 года я был тяжело ранен в верхнюю часть бедра правой ноги и в голень левой ноги. За участие в предшествующих операциях и, возможно за эту, меня наградили орденом " Красного знамени " № 294420,

На месте, где произошло ранение, мне только наложили жгуты, Я хотел сам доехать к нашей санитарной машине на своем «Додже», но оказалось, что я уже не могу вести машину — не гнулась правая нога. На какой-то машине нашего полка меня доставили в дом, где Ирма принимала раненых. Как я и ожидал, Ирма вела себя хладнокровно. Но, увидев мои раны, после того как старшина разрезал мои галифе, уронила шприц с обезболивающим и закричала: "Водки ему! У него начинается болевой шок!" После этого она обняла меня и не отходила от меня, пока не подошла санитарка, чтобы отвезти меня в госпиталь в г. Люблинец. Я не помню, о чем мы говорили в час ожидания санитарной машины. Было все - объятия, поцелуи, клятвы... Я был счастлив, не замечая своего ранения. Видимо был очень сильно пьян.

В госпитале меня сразу же положили на операционный стол. При

этом пытались взять кровь из вены для установления моей группы крови. Когда ко мне подошла сестра со шприцем, я запротестовал. Ведь я плавал в своей крови, зачем меня еще обескровливать? Противоречия с хирургическими сестрами продолжались и дальше. Я утверждал, что ходил на своих ногах, но они не поверили и одели меня в гипс по грудь для полной иммобилизации. При перевязке, которую они стали делать под морфием, чтобы снять боль при вынимании осколков, я предупредил их, что у меня идиосинкразия к морфию.

Они не слушали моих слов и сделали мне укол морфия. Поэтому, перед операцией меня вырвало прямо на хирургический стол. О своей невосприимчивости к морфию я знал ещё из попыток такого лечения в предыдущих госпиталях. На следующий день у меня началась газовая гангрена. С меня сняли гипс, сделали глубокие лампасные разрезы и вставили в них турунды — резиновые трубочки с отверстиями для стекания гноя. Основная боль возникает при замене этих трубочек. Приходилось терпеть и не допускать морфия, который охотно вкалывали сестры для успокоения раненых во время перевязок. Именно таким образом в госпиталях воспитывались наркоманы.

Вскоре я стал впадать в бессознательное состояние, а когда приходил в себя от резкого запаха мази Вишневского, то видел около моей ноги врача, накачивающего из шприца в мою ногу какую-то жидкость. Когда я, после четырех суток беспамятного состояния, окончательно пришел в сознание, этот врач рассказал мне, что он из бригады Вишневского и меня отдал на его попечение как безнадежного. Оказывается, мне не успели сделать ампутацию. Значит, я остался с ногой благодаря ошибке врачей госпиталя и врачу из бригады Вишневского.

После этого я сразу пошел на поправку и во время очередной перевязки заявил врачу, что гипс на меня одели по ошибке и перелома бедренной кости у меня нет. В ответ на мое заявление хирург внезапно резко ударил меня в пятку. Видя, что я не реагирую на это, он приказал сестрам снять гипс и вымыть меня в ванне, не опуская в нее правую ногу. Левая нога за месяц с небольшим уже выздоровела. Ванна была блаженством! Встав на ноги, я однако понял, что без костылей мне не обойтись. Поэтому на скорое выздоровление, и тем более возвращение в полк, надеяться нечего. Как выздоравливающего меня стали готовить к

следующему этапу — к пребыванию в эвакогоспитале перед отправкой в глубокий тыл. Меня направили в эвакогоспиталь 32-96, находившийся в монастыре г. Ченстохова. В этом монастыре я не был обременен лечебными процедурами. Перевязки мне делали через день, а приносящие боль туранды уже вынули. Я мог совершенно спокойно заняться своими стихами. В первую очередь я занялся стихами, которые показывал в редакциях фронтовых газет. Там они были отвергнуты из-за моего отказа внести требуемые редакцией изменения.

П Е Р Е Д А Т А К О Й

Роняет тополь красные сережки,
Тугие почки брызнули листвою.
Погреться бы на солнышке немножко...
Да только полк вступает в местный бой.

Застыли танки вдоль аллеи парка.
Тепло, но дрожь проходит по спине.
За танковой броней нам скоро будет жарко.
Ведь на войне — всегда как на войне.

Уже была команда "По машинам!".
Нам некогда внимать весенней красоте.
Сейчас саперы обезвредят мины,
И грянет бой на N-ской высоте.

Ну а пока еще открыты люки.
Мы жадно дышим запахом полей,
Сырой земли, освобожденной в муках...
Ждать нам невмочь — в атаку бы скорей!

Взметнется ввысь зеленая ракета.
Машины в бой пойдут "углом вперед".
Пройдет и страх. Не раз бывало это.
Ну а потом... Кому как повезет...

От меня требовалось только заменить последнюю строчку, написав "За Сталина! Вперед!". Редактор газеты, старый полковник, мотивировал это требование аргументом: "Вы ведь выкрикиваете призывы, во время танковой атаки?". Он очень удивился, узнав, что танкисты в это время не выкрикивают лозунги или призывы. На этом мы и расстались.

Передвигаясь на костылях по монастырю, я неожиданно услышал звуки фортепьяно. Играли сонату Шопена, а именно траурный марш из его сонаты. Не в силах бороться со своим любопытством, я

постучал в дверь, откуда доносилась музыка. По-польски меня пригласили войти. Войдя, я оказался в келье, состоящей из двух довольно больших комнат. В одной из них стоял рояль. Путая польские слова с русскими, я попросил монаха играть дальше.

Я приходил к нему ежедневно после обеда — до обеда были перевязка и массаж левой ноги. Я молча слушал, так хотелось музыки в эти дни, после непрерывных военных действий. Наступило время нашей эвакуации. Меня причислили к лежачим, поскольку я был практически беспомощным без костылей. Нас выносили бывшие французские военнопленные, которых освободили из польского лагеря наши войска.

Они очень бережно, лучше сказать нежно, несли носилки с ранеными и устанавливали их перед рельсами. Так, лежа на носилках, мы ожидали вагоны эвакопоезда. После нескольких часов ожидания пришла команда заносить нас обратно в монастырь. Едва нас накормили, как пришла команда выносить нас снова. Жалко было смотреть на французов. Если при первом выносе, они несли носилки вдвоем, то заносили обратно в монастырь уже троим. Один спереди — двое сзади, где была голова. Выносили снова уже четвером. Но все они старались не показывать вида, что устали, и были бесконечно любезны и внимательны. Французов я насчитал около 22-25 человек, а погрузить надо было примерно 180-200 лежачих раненых. Остальные ходячие погрузились сами.

Наконец нам подали состав с пассажирскими вагонами, и мы узнали причину нашей задержки. Оказывается, накануне ночью бендеровцы остановили состав с ранеными и всех перестреляли или перерезали, а после этого днем затерялись среди мирного населения в близлежащих селениях. Нам рассказывали, что Член Военного совета 1-го Украинского фронта Н.С.Хрущев приказал подогнать дивизион "катюш" к месту гибели наших раненых, который и сжег, дав залп, три близлежащие селения. Мне очень хочется в это верить. После этих событий наш эшелон ехал под военной охраной прямо в г.Тамбов в госпиталь ЭГ 53-56.

По прибытии в этот госпиталь нас, только что приехавших, положили в коридоре. Пока в палатах места не было. Проснувшись ранним утром, я увидел уверенно идущего по коридору священнослужителя в полном архиерейском облачении с наперстным крестом на груди. Первой пришедшей в голову мыслью было - пришел кого-то

отпевать. Через некоторое время, наведя справки, я узнал, что это был действительно архиепископ Войно-Янсененский, постриженный в монашество под именем Лука. Он имел профессорское звание, множество научных трудов, посвященных хирургии и был ведущим хирургом в Тамбовском кусте госпиталей.

В тот же день меня привели к нему на осмотр и назначение лечения. Он уже был в белом халате. До этого момента я еще ничего не слышал о его методах лечения. Оказывается, чтобы ускорить выздоровление при гнойных осложнениях, по его методу, признанному даже в мировой практике, в рану запускали червей, которые пожирали гной. Но пока я еще не знал об этом, поэтому пришел в ужас, вспомнив, как страшно у меня чесалось тело, когда я почти месяц пролежал в гипсовом корсете. Поэтому в ответ на его предложение сказал, что боюсь щекотки, после чего я для него стал совершенно безразличен. А я заинтересовался подробностями его биографии. Несомненно, это был выдающийся ученый, автор книг по гнойной хирургии, заслуживший Ленинскую премию, которого И.Сталин вытащил из ссылки и дал возможность работать на благо людей. При этом он обладал неуступчивым характером, приводящим к постоянным конфликтам, в частности с русской православной церковью. Из-за этого конфликта он был вынужден уехать из Тамбова в Симферополь, где умер и был канонизирован украинской православной церковью под именем святого Луки. Тамбовский госпиталь, в котором я лечился, теперь носит имя Святого Луки, Русская православная церковь долго тянула с его канонизацией и в конце концов принизив ему степень святости, назвав его только лишь "местно чтимый" т.е. только в тамбовской епархии.

Встретив праздник Победы в Тамбове, я добился перевода в калужский госпиталь, где долечивался и готовился к учебе в МВТУ им. Н.Э.Баумана, где меня восстановили на первом курсе. О чем я и написал Ирме».

Вместе с моими вещами из нашего полка мне вернулось и мое нераспечатанное письмо. Ирмы уже не было в живых. Как мне рассказал впоследствии мой друг Юра Федоров⁹ бывший радист в 87-ом танковом полку, она по пути в Бреславу приказала шоферу санитарки объехать

пробку на дороге. Водитель санитарки поехал по полю и правым передним колесом санитарка сорвала растяжку. От взрыва растяжки сдетонировал фугас прямо под сиденьем Ирмы. Где ее могила — мне неизвестно...

Мир ее праху!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знакомясь с современными описаниями первых дней ВОВ в кинокартинах и книгах, отражающих этот период, где все прилизано, где скрывается роль тех военачальников, по вине которых Красная Армия несла огромные и бессмысленные потери. В них показана совсем другая война, а не та, в которой участвовал я. В моей войне бесславно сгорели мои друзья, где я получал ранения, где отдавались идиотские приказы, приводившие только к ничем не оправданной гибели тысяч людей.

Таким был приказ Тимошенко от 14 августа 1941 года об обороне Новгорода " до последнего солдата! ". Я был в эти дни в Новгороде. Я видел, как напрасно умирали танкисты из остатков 28 тд, которая уже без танков держала оборону в обреченном городе.

Я видел Отечественную Войну во всех ее периодах, начиная от первой бомбежки в 05.15 22 июня 1941г. на западной границе Литвы с Германией, Я видел ВОВ из тыла, когда лечился в госпиталях после ранений.

Мне выпало счастье увидеть победный конец Войны, глядя на нее из танка. Такой она и осталась в моей памяти, как и образы двух великих командиров И.Д. Черняховского и К.К. Рокоссовского, с которыми мне приходилось встречаться в боевой обстановке.

А.Чеканов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Войну Х. Многоликий Маннергейм. Новая и новейшая история. 1997. №3.
2. " Бои в Финляндии ". Сборник статей. М. Изд. Наркомата обороны. 1941 г.
3. Барятинский М. Советские танки в бою.. " Яуза Эксмо " 2007 г.
4. Гудериан Г. " Внимание! Танки! " Ростов-на-Дону. Феникс. 1998.
5. Шарипов А. Черняховский. Серия ЖЗЛ. М. " Молодая гвардия ". 1978 .
6. Горьков Ю. А. " *Государственный комитет обороны постановляет (1941 - 1945 гг) Цифры, документы* ". М. " Олма-Пресс". 2002.
7. ТГерои Советского Союза. Краткий библиографический словарь. М. Воениздат.1987.
8. Сборник приказов Генерального штаба Красной Армии за 1942 г. Русский архив. М. " Терра". 1999.
9. Слонин М." 22 июня, или когда начиналась Великая Отечественная война ". М. " Яуза " 2005.
10. Кардашев В. Рокоссовский, Серия ЖЗЛ. М." Молодая гвардия " 1973.
11. Великая Отечественная Война 1941 - 1945 года. Автор-составитель генерал-лейтенант И.И. Максимов...М Издательство " ДИК ".2005.

Автор Чеканов Анатолий Николаевич

Технический редактор Макарчук В.В.

Обложка книги и

фотографии Чернова Е.П.

Корректор Макушина Н.В.

Компьютерный набор Репина Л.Я.

Подписано в печать 11.11.99г. формат 30х21, бумага офсетная,
печать офсетная. Объем 19,1 печатный лист. Тираж 50 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Риасофт ЛТД» г.Махачкала,
ул.Батырая, 136.